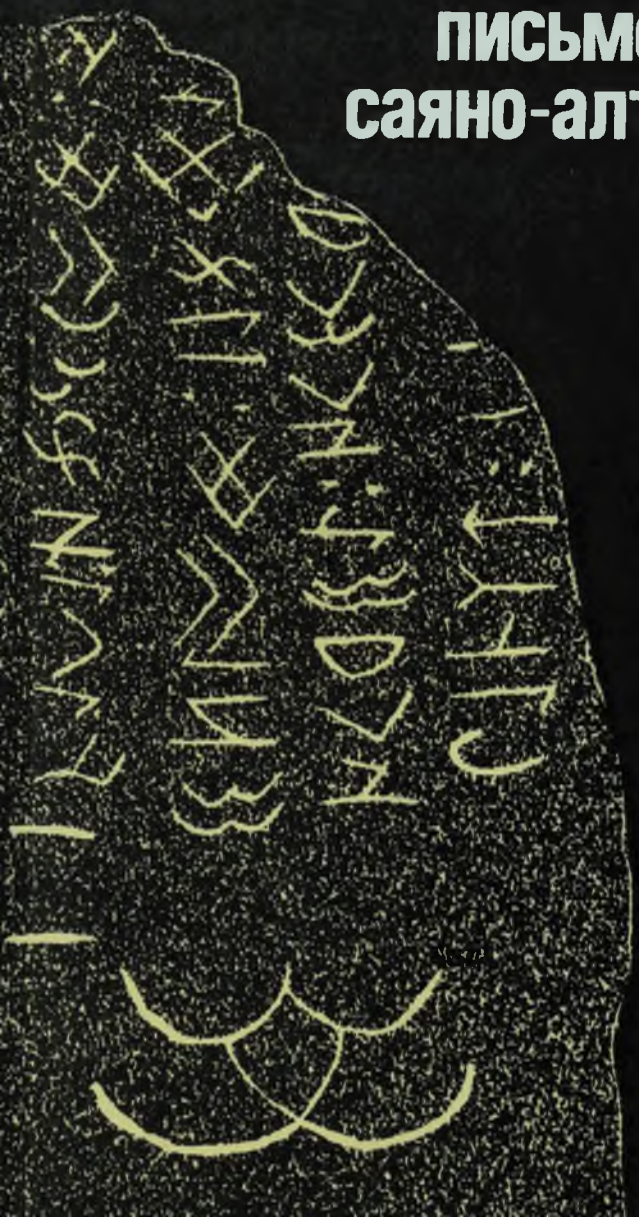
63.223
К-87

И.Л.Кызласов

Древняя письменность саяно-алтайских тюрков



63.223
К-97

И.Л.Кызласов

Древняя письменность саяно-алтайских тюрков

Рассказы археолога

ГУК РХ "Национальная
библиотека
им. Н.Г. Доможакова"

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
1994

ББК 63.3
К97

Редактор издательства
Я. Б. ГЕЙШЕРИК

Книга издана при содействии
и финансовой поддержке
Союза писателей Хакасии и
ПАРТИИ РОССИЙСКОГО ЕДИНСТВА
и СОГЛАСИЯ

Кызласов И. Л.

К97 Древняя письменность саяно-алтайских тюрков: Рассказы археолога.— М.: Издательская фирма «Восточная литература». РАН, 1994.— 100 с.: ил.
ISBN 5-02-017838-1

В книге рассказывается об истории открытия и дешифровке, о происхождении и особенностях так называемой рунической письменности, о распространении и содержании памятников средневекового письма Сибири и Центральной Азии.

К $\frac{0503010000\text{-}051}{013(02)\text{-}94}$ Без объявления ББК 63.3

ISBN 5-02-017838-1

© И. Л. Кызласов, 1994

ЗАБЫТЫЙ МИР... ВОКРУГ НАС
(введение в окружающее прошлое)

Древние, забытые письмена... Что встает перед взором читателя после прочтения этих трех слов? Уверен, что правильно опишу ответ многих. Далекие жаркие страны, пески, раскаленные скалы, караваны и усталые путники — вот что, пожалуй, встает перед внутренним взором, если спросить нас о древних и забытых письменах. Мы, конечно же, сразу вспоминаем величественные строки замысловатых египетских иероглифов, непонятную пестроту шумерской или ассирийской клинописи, впечатанные в камень ячеистые строки индейцев майя или похожие на детские рисунки начертания ронго-ронго. Фараоны, шахиншахи, жрецы... Экзотика.

Действительно, в древних и далеких землях до сих пор много следов былой вековой грамотности: на камнях развалин, на плоскостях скал, на потерянных в земле предметах, и на слепящем солнце, и во мраке пещер. Как мы любим читать о таких находках, слушать об этом по радио и смотреть по телевизору! Как эти письмена манят нас своими загадками! Как много мальчишек мечтают об открытии неведомых цивилизаций, и как много крупных ученых породил, в конце концов, этот жгучий интерес к незнакомому и чужому.

Но ведь тайна может быть рядом.

Древние письмена повсюду окружают нас и дома, в Сибири — в степях и горах Хакасии, Тувы, Алтая. Некогда наши предки намеренно высекали надписи на камне — на века, для потомков, для нас. Камни эти еще стоят, скалы по-прежнему блестят на солнце. Так же как и тысячелетие назад, хранят они строки надписей — мысли и чувства, направленные к нам предками. А мы? Мы проходим мимо, равнодушно скользим праздным взором — не знаем мы этих букв, что нам в них? Так же как и клинопись, непонятны, так же как иероглифы, далеки, так же экзотичны и, следовательно, так же не нужны они для нас.

А ведь все мы грамотны. Умеем читать и писать. Задумаемся: для чего? Затем, чтобы поддерживать связь, чтобы обмениваться мыслями с людьми, которые не могут услышать: с живущими в других местах родными и близкими, с журналистами, писателями, педагогами... Можно сказать, что нас учат грамоте только для того, чтобы мы не остались одни, вдалеке от нужных нам людей. Письменность дает нам возможность не бояться расстояния и победить его — донести свои слова туда, куда не сможет дойти наш голос. Письмо дает нам возможность самим услышать далекие голоса. Получив письмо от дорогого нам человека, купив хорошую книгу, мы становимся хозяевами положения: стоит лишь захотеть — и можно перечитать их снова, в любую минуту. Так письмена побеждают время — ведь слова продолжают звучать и дни, и годы спустя.

Продолжают они звучать и через столетия. Родные нам люди, жившие много поколений назад, думали о нас и оставили надписи. А мы? Мы отворачиваемся от их строк и не хотим вспоминать о своих предках. Кто же здесь культурнее? Кто вдумчивее и разумнее? Кто предусмотрительнее и дальновиднее? Чья жизнь рассчитана на себя и своих потомков? Чья цивилизация творится на века и направлена в будущее?

Великий Пушкин в своем только начинавшемся XIX веке воскликнул с горечью: «Мы ленивы и нелюбопытны!» Откуда, откуда же Вы знали о нас, милостивый государь Александр Сергеевич?

Напрасно часть читателей решила сейчас, что грустноватые мои слова не относятся ко всем живущим в Южной Сибири в равной мере, что недавно приехавшим сюда людям никакая не родня те, кто давным-давно жил в этих местах, и что не им адресованы сквозь века старинные полустертые строки. Да, для всего коренного, аборигенного населения далекие предки — это связь по крови. Но, вдумаемся, ведь и для всех прочих они — тоже предки. Только связь здесь иная: связь по разуму, по мысли, осваивавшей эту нашу землю столетие за столетием. Они — наши предки по обживанию и благоустройству этого края. По земледелию и скотоводству, по горным выработкам и дорожным трассам, по оросительным каналам и строительным материалам, по местам поселений и

переправ, по мудрому отношению к соседу и путнику, по пониманию вечного и ценного и снисходительному отношению к наносному, сиюминутному...

Вот и выходит, что все, кто когда-либо жил на наших землях, есть в равной степени предки всех живущих здесь ныне. Невзирая на то, какая кровь текла в их и течет в наших жилах, они — наши предки.

И осознанию этого единства человечества перед прошлым, настоящим и будущим прежде всего способствует письменность. Единственное изобретение человечества, способное передавать мысль сквозь века, письменность совершила подлинное чудо: она одна сделала все поколения людей современниками.

Более сорока лет назад, в 1951 году, в истории русской культуры произошло по-настоящему великое открытие. Профессор Московского университета Артемий Владимирович Арциховский обнаружил на своем раскопе в Новгороде не какое-то восхитительное произведение искусства, не драгоценную утварь, не клад с мерцающими сокровищами, а свернувшийся в ветхий рулончик небольшой кусочек бересты с процарапанными на нем буквами. Так были открыты знаменитые древнерусские берестяные грамоты: письма, расписки, заговоры и моления, школьные упражнения и технологические рецепты ремесленников — иными словами, многочисленные повседневные записи древних горожан-новгородцев. Сегодня их найдено уже более 700, каждый год археологические работы приносят новые берестяные документы — а наука все еще никак не может справиться с охватившим ее изумлением, не может спокойно и деловито, отстраненно-академически изучать выцарапанные на коре строки. Мало того, что эти часто брошенные много столетий назад в уличную грязь и порванные за ненадобностью письма полностью поменяли представления исследователей об уровне культуры и грамотности далеких предков, мало того, что эти бурого цвета полоски сообщили нигде более не содержащиеся сведения по истории и языку давно минувшего времени — они всякий раз волнуют ученых вдруг услышанным голосом человека, о котором не помнят и не знают даже его прямые праправнуки.

В 1993 году исполнилось сто лет со дня расшифровки древней письменности тюркоязычных народов, так называемого рунического письма. В раннем сред-

невековье им широко пользовались жители Южной Сибири и Центральной Азии. Сегодня известно уже более двухсот памятников этой письменности. Какой мир заключен в тех строках? Чьи голоса? Где можно узнать об этом? Что прочитать? Увы, не так-то легко ответить на эти вопросы. Специалисты знают, что и языковеды, и историки работают над изучением древнетюркских письмен. Но таких исследователей очень немного, а поиски надписей в степи и горах, разбор иссеченных ветрами и веками знаков и их прочтение — дело нелегкое и очень неспешное. Ученый обязан проверить свои наблюдения и выводы, подтвердить их новыми данными. Вот и проходят в кропотливом труде годы и годы.

Последний раз большие книги с собранием переводов древнетюркских надписей увидели свет в 50-х годах нашего столетия. Многие ли из любопытных смогут сегодня найти эти тома Сергея Ефимовича Малова даже в библиотеках? К тому же под пером авторитетного знатока получили объяснение немногим более пятидесяти известных тогда памятников сибирской письменности.

Никому не нужны невысказанные знания. Первым действием, воистину, является слово. И если сегодня мы хотим понять значение надписей наших предков, если стремимся увеличить число людей, знающих о них, интересующихся ими и, следовательно, я очень надеюсь, берегущих и изучающих древние написания на камнях и скалах, то нам остается, пожалуй, только одно — поведать о том удивительном и, казалось бы, давно ушедшем мире настоящих человеческих ценностей, сокровищ и сбережений, который в действительности никуда не пропал и окружает нас и поныне.

Да будут введением в этот мир — уцелевший, неугасший, существующий благодаря умению предков выражать свои мысли знаками и нашему столетнему умению разбирать и озвучивать древние начертания — те немногие страницы, что лежат сейчас перед вами.

ОТКРЫТИЕ НЕВЕДОМОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Производя обновление России, Петр Великий постигал достижения Европы в экономике, государственном управлении, военном деле и науке. Сегодня каждый, пожалуй, знает о том, что первый российский император лично осваивал корабельное дело и кузнечное ремесло, географию и градостроительство, дворцовый этикет и бальные танцы. Но следует знать также, что Петр сам разыскивал по Европе людей, сведущих в науках и способных совершить путешествие по обширной Российской империи ради выявления и описания «хранящихся в оной сокровищ». Речь шла не только о самоцветах и золоте.

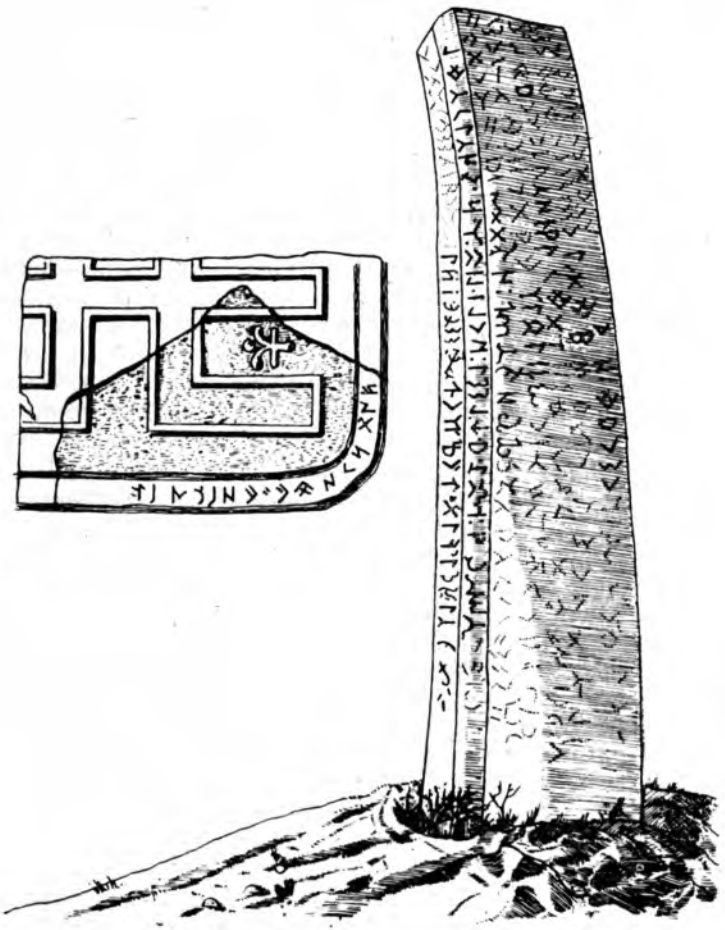
В 1716 году в Данциге по просьбе Петра ему был представлен «отлично ученый муж своего времени» доктор Даниил Готлиб Мессершмидт, тридцати одного года от роду. Его и уговорил самодержец Всея Руси совершить до того неслыханное — первое ученое путешествие по Сибири. Врач и естествоиспытатель Д. Г. Мессершмидт был тут же в Данциге принят на русскую службу и, согласно договору, должен был отправиться в Сибирь «для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей». Программа состояла из пяти пунктов. Ученый брался собрать сведения по географии страны, ее «натуральной истории», медицине и болезням, изучать сибирские народы и их языки, заниматься памятниками и древностями и, наконец, вообще всем достопримечательным.

Экспедиция началась в Санкт-Петербурге 1 марта 1719 года и завершилась там же 27 марта 1727 года. Исследователь блестяще выполнил свое дело. Он имел поначалу трех помощников: переводчика П. М. Краца («для того что русского языку я не знаю»,— писал оказавшийся в России европеец, вскоре освоивший не только русский, но и монгольский, и тангутский, и описавший в пути двадцать местных наречий), рисовальщика Карла Густава Шульмана

(пленного шведа, пятнадцати лет) и капитана разгромленной под Полтавой шведской армии немца Филиппа Иоганна Табберта фон Страленберга (которого исследователь называл «красноречивым, прилежным, верным Таббертом, моим единственным другом и подпорою»). Д. Г. Мессершмидт был настоящим ученым. Он не чурался черновой работы. Его не остановил ни довольно скорый — уже в мае 1722 года — отъезд Страленберга и Шульмана, с которыми он простился, «проливая много слез», ни отсутствие средств, которых ему не платили два года («а прокормиться нечем и помираем голодною смертью»,— писал он сибирскому генерал-губернатору в июне 1722 года). Вернувшись в Санкт-Петербург, он сдал в незадолго перед тем созданную Российскую академию наук двадцать три тома своих трудов, огромные же собранные по пути коллекции флоры и фауны, древностей и раритетов он отправлял с мест сразу, особыми посылками. Этот «превосходный и честный, но необходительный и угрюмый человек», как пишут о нем знавшие Д. Г. Мессершмидта люди, так и не снискал признания современников. Хотя он и стал членом Российской академии наук, но не получил регулярного жалованья и, подорвав в сибирских скитаниях здоровье, умер в столице огромной империи в нищете в 1735 году, не успев опубликовать своих драгоценнейших, первых в русской и европейской науке огромных сибиреведческих материалов. Они и поныне изучены и опубликованы только частично.

Именно Даниил Готлиб Мессершмидт оказался первооткрывателем памятников той древнетюркской письменности, которую мы называем рунической. Его экспедиция обнаружила, описала, зафиксировала в тщательнейших рисунках три весьма различные надписи. Исследователь первым предпринял попытки их прочтения.

Путь Д. Г. Мессершмидта пролегал из Санкт-Петербурга в Москву, а затем в Тобольск и Томск. 5 июля 1721 года экспедиция двинулась вверх по реке Томь, достигла Кузнецка, а затем, поднявшись до устья реки Балыксу, двинулась конными тропами через хребты Кузнецкого Алатау, долиной реки Терексу, преодолевая таежные перевалы, вышла к верховьям реки Уйбат и вдоль ее русла спустилась в благодатные хакасские степи.



Первое воспроизведение енисейских надписей, появившееся в Европе. 1730 г. Стела и обломок бронзового зеркала, обнаруженные Д. Г. Мессершмидтом в 1721 и 1722 годах. *По Ф. И. Страленбергу*

Здесь и было совершено открытие, значение которого для истории культуры Евразии трудно переоценить. Солнечным августовским днем 1721 года на северном берегу Уйбата, «в нескольких верстах выше впадения речки Бей», т. е. выше устья нашей Бейки, Д. Г. Мессершмидт обнаружил высокий каменный обелиск, изогнутый «в виде венгерской сабли». Со всех четырех сторон камень был покрыт неизвестными письменами! Исследователь «поручил срисовать его шведскому мальчику, которого взял с собой», Карлу Шульману. Работа была выполнена со всей возможной тщательностью, поскольку смысл ее был с самого начала ясен всем присутствующим. «Снимок и письменные знаки верны и точны и желающим ознакомиться с ними могут служить для сравнения с другими, например руническими, буквами»,— отмечено в комментариях ученого.

Так более двухсот семидесяти лет назад в живописной долине небольшой хакасской реки Уйбат родилась новая наука, стремящаяся постичь слова и мысли, переданные далекими предками их потомкам. Так были открыты письменные памятники, сохранившие для нас древнейшие из известных образцов тюркской речи. Так под тихое журчание светлых вод и шелест ковыля, под легкими порывами степного ветерка и ласковым летним солнышком встретились две цивилизации, и тысячелетние записи одного грамотея были переписаны другим. Прерванная было бурной и трагической исторической судьбой связь была восстановлена. Письмо и образованность вновь победили время! Тридцатишестилетний ученый из далекого Данцига еще раз доказал, что культура человечества не может быть разделена никакими границами.

Но ведь каждый человек несет с собою свой мир. Академическая наука пришла в Россию из Европы вместе с размеренной латынью и твердой немецкой речью. Неудивительно, что Д. Г. Мессершмидт, опираясь на свои «познания ученых и употребительных в Европе языков», был первым, кто назвал вновь найденные письмена рунические. Настоящие рунические надписи существовали в Северной Европе в раннем средневековье. Они были оставлены древними германцами и более всего сохранились в Скандинавии. Во времена Мессершмидта каждый образован-

ный европеец прекрасно знал об этих древнегерманских письменах, видел воспроизведения, а то и сами камни с руническими надписями. Ученые аристократы любили похвалиться вещами, украшенными древними знаками. Им подражали мастера, украшавшие изысканный быт своих заказчиков, к ним обращались литераторы и поэты.

Особенностью германских рун были угловатость и прямолинейность буквенных знаков, форма которых была весьма удобна для создания резных надписей на камнях и твердых изделиях. Эта письменность не знала беглых почерков и слитных написаний. Все эти особенности и напомнили Д. Г. Мессершмидту увиденные им высеченные на камне знаки неведомой сибирской письменности. Исследователь так и записал о первом обелиске с древним текстом: «Уйбатский памятник, вырезанный руническими письменами». «Руническими» называл он знаки и на других сделанных им находках. С его легкой руки это название так и осталось до сего дня за древнетюркскими письменами.

Наука давно уже выяснила, что ничто, кроме весьма поверхностного внешнего сходства, не объединяет германские и древнетюркские письменные знаки. И азиатские надписи, конечно же, неправильно и неточно называть руническими. Однако традиции и привычки много значат не только в обыденной человеческой жизни, но и в науке. И хотя уже сам Д. Г. Мессершмидт не принимал открытые им письмена за настоящие руны (вспомним, что первый рисунок делался для сравнения «с другими, например руническими, буквами», а далее было прямо записано: «Не подлежит, впрочем, сомнению, что не все эти знаки руны, а что к ним примешан, может быть, другой род древних парфянских букв», т. е. указывалось на возможное сходство и с письменами Средней Азии), пущенный им в ученый мир термин прижился. Причиной этого явилось и еще одно весьма серьезное обстоятельство: сто семьдесят два года после находки Д. Г. Мессершмидта никто не знал, ни на каком языке сделаны эти надписи, ни какой народ и когда их оставил.

Экспедиции Д. Г. Мессершмидта удалось обнаружить еще два памятника древнего сибирского письма. В этом нет ничего удивительного: на протяжении

всего своего дневника исследователь пишет о том, что он постоянно ищет надписи на камнях и скалах и тотчас же отправляется туда, где, согласно опросам, находится такой памятник. Однако частенько после осмотра нового камня на страницах путевой книжки появляется заметка: «На нем начертаны были разные безобразные знаки, но не буквы».

12 сентября 1721 года Д. Г. Мессершмидт добрался до Абаканского острога (на месте которого еще недавно стоял затопленный Красноярским морем Краснотуранск). Здесь ему и был подарен обломок бронзового зеркала, найденного кладоискателями в одном из близлежащих курганов и разбитого при дележе добычи. По краю изделия шли уже знакомые ученому тонко прочерченные знаки. Исследователь попытался проникнуть в тайну этой письменности и, пользуясь небольшими размерами находки, стал показывать ее всем встречавшимся ему толмачам и книжникам. Увы, безрезультатно. Так в описи Д. Г. Мессершмидта появилась краткая и разочарованная запись об этих письменах, «которых не могли признать за свои ни мусульмане, весьма сведущие в письменности турецкой, бухарской, персидской и арабской, ни тангуты, ни Дели-индийцы, а тем менее монголы с китайцами». Пожалуй, после Д. Г. Мессершмидта ни одну древнетюркскую руническую надпись не обсуждало столь представительное международное ученое собрание!

О третьем памятнике письменности Д. Г. Мессершмидт тоже узнал в Абаканском остроге, где экспедиция пережидала зиму. О нем сообщил местный крестьянин. Стоял мороз, и сам исследователь был очень болен, но он незамедлительно отправил на место находки Табберта и Шульмана. В результате ими была обследована «надгробная мужская статуя, держащая в руках урну, между реками Тесь и Ерба, с руническими письменами, вырезанными на задней стороне...». В короткий зимний день 24 января 1722 года, следуя наказу Д. Г. Мессершмидта, Карл Шульман, несмотря на стужу, в течение трех с половиной часов создавал тщательную зарисовку самого изваяния и выбитых на его спине букв, «по большей части стертых».

Важнейшие результаты экспедиции Д. Г. Мессершмидта были опубликованы участником его поезд-

ки по Западной Сибири, вернувшимся на родину Ф. И. Таббертом фон Страленбергом, уже в 1730 году издавшим книгу. Среди ее иллюстраций были помещены и изображения всех трех памятников открытой в Хакасии письменности. Судьба обломка бронзового зеркала с надписью нам неизвестна. Что касается камнеписных памятников, найденных Д. Г. Мессершмидтом, то оба они хранятся в собрании Минусинского музея, куда они были перевезены в XIX и начале XX века.

Уже в XVIII веке проявилось стремление исследователей к перевозке обнаруживаемых памятников древней письменности в городские центры. Участник следующей академической экспедиции Г. Ф. Миллер разыскал на Уйбате уже поваленный «камень Мессершмидта» и 27 сентября 1739 года вновь осмотрел его. Исследовал он и распорядился изготовить рисунок еще одного камня с надписью, перевезенного около 1736 года в Красноярск. Хорошо понимая, что «если бы удалось найти еще несколько таких надписей, то, может быть, со временем неизвестные и утерянные письмена поддались бы разбору», Г. Ф. Миллер отметил: «По моему мнению, не мешало бы даже переслать в Петербург, в царскую кунсткамеру, каменный памятник на Уйбате, украшенный неизвестною надписью, да и каменную статую, с подобною же надписью, находящуюся в Красноярске». Проект, однако, остался неосуществленным по извечной для российской науки причине: «Я же не сделал этого,— писал далее Г. Ф. Миллер,— только потому, что без высочайшего повеления не осмелился расходовать на это деньги».

Царскую кунсткамеру заменил для Сибири созданный в 1877 году Минусинский музей. Сразу же после его открытия исследователи стали свозить в него со всей степи камни с древними текстами. С большим трудом и предосторожностями громадные обелиски выкапывались, грузились на телеги или волокуши, доставлялись по Енисею баржами или даже на плотах, преодолевавших стремнины великой сибирской реки в саянских теснинах. Ныне собрание Минусинского музея включает более тридцати каменных стел с древнетюркскими надписями, происходящих с территории Хакасии и Тувы. В последние полвека по стопам Минусинска пошел Кызыльский музей. Активное ар-

хеологическое обследование Тувинской котловины, развернувшееся после вхождения Тувы в состав СССР, позволило собрать в его хранилищах коллекцию рунических надписей, по числу не уступающую минусинской. По нескольку древних камнеписных памятников имеют в своих собраниях Абаканский и Красноярский краеведческие музеи. Пять стел достигли-таки Музея антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге, в который превратилась бывшая петровская кунсткамера. Один камень стоит в Национальном музее в Хельсинки.

Обнаружение памятников неведомой письменности — большая и редкая удача для исследователя. В истории мировой науки все подобные случаи отмечены как выдающиеся события. Так воспринимаются подобные открытия даже в местах заведомо благодатных в археологическом отношении — в землях древних великих цивилизаций. Что же говорить о Сибири, еще и сегодня воспринимаемой многими как край глухой и дикий? Что же говорить о XVIII веке, о его начале, о 20-х его годах, когда совершалось ученое путешествие исследователя-одиночки — доктора Даниила Готлиба Мессершмидта? Европа лишь медленно собирает материалы по древней письменности Египта, Месопотамии, Персии. Иероглифические надписи фараонов Ж. Ф. Шампольон расшифрует ровно через сто лет, в 1822 году, на двадцать лет раньше — в 1802 году — добьется разгадки ассирийской клинописи Г. Ф. Гротефенд. Интерес к загадочным письменам, открытым в таинственных заснеженных просторах России нежданно-негаданно для образованного мира, был поэтому очень велик.

Государственные деятели России, усваивая манеры просвещенной Европы, хорошо понимали, что за поддержкой серьезного интереса к различным древностям, разбросанным по необозримым просторам империи, последует во много раз больше сулящая отдача. Что за честь управлять пустыми и дикими пространствами? Куда авторитетнее и почетнее править издревле цивилизованными землями, поражая августейших соседей не только экономической или военной мощью, но и учеными открытиями, и изящными искусствами.

Научное изучение Сибири, начатое по личному распоряжению Петра Великого, продолжила Екате-

рина Вторая. Она интересовалась надписями на камнях и приказала иркутскому и колыванскому губернатору Якоби изготавливать их копии. В результате в 1785 году в распоряжении П. С. Палласа — исследователя, возглавлявшего третью академическую экспедицию в Сибирь, продолжившую дело Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина,— оказались прорисовки четырех древних надписей из Хакасии. Поскольку П. С. Паллас считал, что он «очень плохой знаток», он отправил эти копии в Германию профессору О. Г. Тихсену, занимавшемуся в ту пору всеми новыми проблемами востоковедения, в том числе и дешифровкой египетских иероглифов и ассирийской клинописи.

В 1793 году академик П. С. Паллас издал изображения четырех надписей и ответное письмо Тихсена. В нем специалист по азиатским письменам всех времен и народов отказывает сибирским надписям в восточном происхождении и указывает на соответствия их отдельным знакам и кельтских, и готских, и латинских памятников. Словом, по его мнению, основой для них послужило греческое письмо. Следует общий вывод, сопровождающийся ссылкой на Геродота: «Эти сибирские надписи принадлежат ко времени, когда Сибирью владели скифы».

Как видим, высказанное сразу же при открытии древних сибирских письмен мнение об их большем сходстве с древнейшими европейскими письменами и рунами, чем с азиатскими алфавитами, существовало на протяжении всего XVIII века.

В XIX столетии было выявлено значительно большее количество надписей, возросло и количество и разнообразие их оценок.

В 1818 году Г. И. Спасский вновь издал материалы Палласа, дополнив их двумя перерисовками новых надписей, виденных им самим. Значение этой работы определяет в первую очередь то важное обстоятельство, что она была переведена на латынь, т. е. материалы оказались доступны ученым Европы. Кроме того, здесь впервые была воспроизведена наскальная надпись из долины реки Чарыш, притока Оби. К известному факту распространения руничесих памятников на землях Хакасии добавилось свидетельство былого существования этого письма и на Алтае. Первая руническая надпись Тувы была обнаружена

лишь в 1879 году известным путешественником Г. Н. Потаниным.

Итак, почти весь XIX век прошел под знаком изучения древних надписей долины Среднего Енисея. Значение им придавалось огромное: начальник Минусинского округа князь Н. А. Костров лично копировал их, а енисейский губернатор Падалка доставлял снимки в Санкт-Петербург. Все снимки хранились в Археологическом обществе, постоянно направлявшем изображения древних текстов специалистам-востоковедам. В 1874 году Н. И. Попов издает первую сводку известных на то время памятников, число которых достигло пятнадцати. Однако его подробные описания сопровождались изображением лишь двух известных копий: зеркала Мессершмидта и одной из надписей Палласа.

В деле поиска новых памятников древней и загадочной письменности все более росла роль краеведов-сибиряков. Это было результатом формирования в сибирской стороне городов и норм городской жизни, появления и быстрого роста слоя городской интеллигенции. Образованные чиновники и преподаватели гимназий, врачи и землемеры, литераторы и прочие представители «думающей публики» прибывали в далекие края из центра, либо поступая на государственную службу, либо — особая специфика сибирской демографии — попадая в разряд «государственных преступников» и оказываясь в ссылке. Открывались гимназии, создавались ученые общества, был создан Томский университет.

Сибирские исследователи не только приумножили число рунических надписей, открытых на Среднем Енисее, но и расширили сферу поисков, начав изучение за Саянскими хребтами — в Туве. В 1881 году сподвижником Г. Н. Потанина А. В. Адриановым были открыты и скопированы многочисленные короткие надписи, начертанные на ныне знаменитой скале Хая-Бажи на реке Хемчик. Их объединил с руническими текстами Хакасии Н. М. Ядринцев, издавший новую сводку надписей в 1885 году. Позднее поиском и изучением письменных памятников Тувы весьма плодотворно занимался Д. А. Клеменц, сотрудничавший с Минусинским музеем.

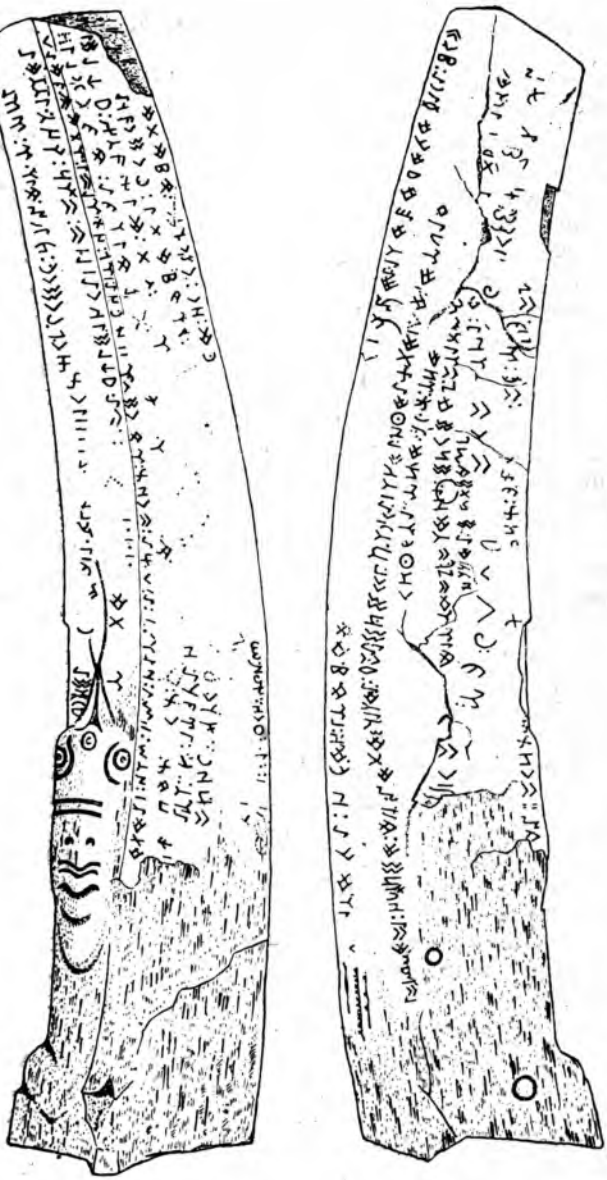
Минусинский музей постоянно вел и самостоятельную работу по сбору сведений о находившихся в Ха-

касии и Туве рунических надписях. Ради этого систематически опрашивались не только наиболее подвижные представители русского населения Сибири — купцы и мелкие торговцы, но и знающие свою землю хакасы и тувинцы, наезжавшие в единственный тогда город или встречавшиеся горожанам во время выездов в степь. Сам основатель музея — Николай Михайлович Мартьянов — всячески стремился привлечь внимание специалистов к древним сибирским надписям: побуждал их письмами, личными беседами и даже, впервые выехав в Европейскую Россию после 23-летнего пребывания в Сибири (куда этот выпускник Московского университета приехал вполне сознательно), демонстрацией привезенного с собою маленького предмета с рунами — грузика от веретена.

Так сибирскими краеведами, и прежде всего сотрудниками Минусинского музея, был подготовлен крупный успех первой научной экспедиции, прибывшей на Енисей специально ради изучения загадочных надписей на камнях и скалах. Экспедиция прибыла издалека: она была направлена Финским археологическим обществом, возглавлялась профессором Гельсингфорского университета (ныне этот город называется Хельсинки) Иоганном Рейнольдом Аспелином и состояла из профессионалов высокого класса. Три года подряд (1887—1889) эти люди верхом и в повозках, на лодках и на плотах прокладывали все новые и новые маршруты по Хакасии, Горному Алтаю и Туве.

Ах, как они работали! Раскопки по тщательности и строгости документации могут вогнать в краску многих современных исследователей, имеющих в дипломе запись «археолог». Копии наскальных рисунков и надписей до сих пор способны уточнить результаты деятельности некоторых отрядов, оснащенных точной аппаратурой и применяющих новейшие методы. Эти три-четыре человека (состав экспедиции менялся), а то и вовсе вдвоем или в одиночку, сделали чрезвычайно много. Они зарисовывали памятники письменности, делали их объемные копии (так называемые эстампажи: коленкор или мокрая бумага набивается на поверхность камня щеткой), изготавливали их фотоснимки. Можно поучиться и их отношению к делу. Так, в 1888 году И. Р. Аспелин, проработав все лето на Алтае и в Туве и вернувшись на плоту в Ми-

ГУК РХ "Национальная библиотека им. Н.Г. Доможакова"



Камень Д. Г. Мессершмидта, стоявший на реке Уйбат в Хакасии. Ныне хранится в Минусинском музее. *По воспроизведению финской экспедиции И. Р. Аспелина 1887—1889 годов*

нусинск, вдруг узнал там о новых тувинских стелах с надписями и... немедленно уехал верхом через Саяны обратно в Туву для их исследования. Но у ученого не было с собой фотоаппарата — делать фотоснимки этих надписей специально отправился в следующем году один из его сотрудников. Вернувшись в Минусинск, И. Р. Аспелин узнал об обнаружении новой рунической надписи в Хакасии и опять лично выехал в октябрьскую степь. К кургану с древним текстом удалось добраться только к вечеру, но изучение памятника было проведено, несмотря на сгущающиеся сумерки. Копия надписи была снята при свете костра...

Профессор Аспелин не стал ждать окончания экспедиции и уже в 1889 году в Гельсингфорсе был издан большой альбом, содержавший побуквенные записи и фотоснимки объемных копий 32 письменных памятников, обследованных учеными в Хакасии и Туве в 1887—1888 годах. Альбом вышел на французском языке и сразу же вывел изучение рунических надписей Сибири на новый уровень. Книга называлась «Надписи Енисея» — с тех пор и появилось в европейской науке понятие «енисейская письменность».

Почему же столь значительный вклад в дело выявления и исследования рунических надписей был сделан именно финскими археологами? Дело заключается в следующем. И. Р. Аспелин не был ни специалистом по истории и древней культуре Сибири, ни востоковедом. В то же время он являлся крупным знатоком скандинавских древностей, прежде всего финно-угорских. И основная его задача состояла в решении загадки происхождения финнов. Именно поиски прародины финнов привели И. Р. Аспелина на Енисей.

Первым по этому пути пошел, пожалуй, финский лингвист М. А. Кастрен, побывавший в Хакасско-Минусинской котловине в 1847 году. Профессор И. Р. Аспелин принял вывод этого ученого о том, что финские племена, вероятно, пришли на запад с Саяно-Алтая. Археолог, прекрасно зная о богатых находках великолепных бронз в курганах хакасских степей, осведомленный о легендах, что эти курганы принадлежат древней чуди (как русские называли финноязычные народы средневековья), опирался на сходст-

во древних надписей, встреченных на многих камнях таких курганов, со скандинавскими рунами и делал вывод: все эти памятники принадлежат древней культуре финнов, переселившихся на далекий запад в бронзовом веке и, следовательно, «упомянутые надписи на курганных камнях представляют финно-угорский праязык не менее трех тысячелетий тому назад». Вот и стал главной заботой финской экспедиции поиск новых и надежное копирование известных рунических надписей.

Судьба развеяла надежды И. Р. Аспелина уже в 1889 году. В его присутствии в Минусинский музей принесли монету, отлитую в древнем Китае в 841—846 годах и имевшую на обороте процарапанную позднее руническую надпись. Какое разочарование испытал профессор! Ведь стало ясно, что енисейская письменность существовала не в бронзовом веке, а в средневековье, когда финский народ уже давным-давно обитал в самой Финляндии. А что же тяготы трехлетней экспедиции? Дальняя дорога и непрестанный труд? Неужели все зря? С тяжелым сердцем финские исследователи покинули Южную Сибирь. Через четыре года енисейская письменность была дешифрована, надписи оказались тюркоязычными, и Иоганн Рейнольд Аспелин совсем охладел к собранным его экспедицией блестящим материалам. Основные результаты замечательных исследований вследствие этого были опубликованы коллегами ученого только в 20—30-х годах XX века.

В научной среде фигурирует фраза, конечно же знакомая читателю: «Отрицательный результат — тоже результат». Понятно, что, отбрасывая ошибочное, исследование имеет все больше шансов выйти на верный путь. Такой вывод, сопровождающий метод «проб и ошибок», не является главным при оценке вклада финской археологической экспедиции. Ее опыт, пожалуй, учит другому: даже исходящая из неверной посылки работа, если она выполнена по-настоящему профессионально, предоставляет надежную основу для дальнейшей успешной деятельности ученых.

Главное состояло в том, что на столы исследователей в разных уголках Европы и Азии лег великолепный альбом «Енисейские надписи». И десятки ученых, впервые получившие точные воспроизведения

большой серии древних надписей Сибири, немедленно принялись за их изучение. Было выдвинуто множество гипотез и сделано большое число попыток прочтения этих камнеписных текстов. Кроме древних германцев и финнов их приписывали кельтам и готам, скифам и многим другим народам древности, в Сибири никогда и не жившим. Например, в 1893 году американский ученый Кемпбелл выступил в одном из канадских изданий с прочтением енисейских надписей... на основе древнеяпонского языка. Полученные благодаря такой «дешифровке» тексты указывали на то, что некогда у японского императора было три резиденции — где бы вы думали? В Омске, Минусинске и Туруханске. Кемпбелл создал целую теорию заселения Сибири и Америки, которая, к слову сказать, была рекомендована русским «Историческим вестником» как «строго научная» — всегда находились у нас легковеры, превозносившие достижения западной мысли!

Прав был Дмитрий Александрович Клеменц, спокойный и неторопливый исследователь, считавший себя, однако, лишь дилетантом, когда писал: «Все попытки открыть ключ к чтению неизвестных письмен на неизвестном языке основываются на надежде напасть на счастливую идею, создать удачную гипотезу, которая поможет докопаться до сути дела».

Но случайных достижений в науке не бывает, даже так называемые везение, удача, озарение есть результат большой, пусть не всегда заметной на первый взгляд работы. И прежде чем рассказать о том, как было прочитано руническое письмо Азии, необходимо раскрыть еще одну страницу в истории обнаружения его памятников. Страницу, ставшую поистине славной в летописи отечественной науки.

В 1889 году, явившемся горестным рубежом в деятельности И. Р. Аспелина, произошло важнейшее для науки открытие, связанное с руническими письменами. В тот самый год в путешествие в Монголию отправился знаменитый сибирский краевед и публицист Николай Михайлович Ядринцев. В долине Орхона, близ древнего Каракорума, им были обнаружены надписи, благодаря которым только и стала возможной дешифровка рунического письма,— две большие каменные стелы с огромными, аккуратно вырезанными текстами. На камне, посвященном, как позд-

нее выяснилось, полководцу Кюль-тегину, надпись превышала 63 строки, на памятнике его брату — правителю Бильге-кагану — 80 строк. Более 4,5 тысячи рунических знаков!

Открытие было неслыханным. На следующий же год по следам Н. М. Ядринцева устремилась новая финская экспедиция, руководимая давним спутником И. Р. Аспелина, опытным А. Гейкелем, а в 1891 году — большая русская академическая экспедиция, возглавленная академиком В. В. Радловым. Обе экспедиции прекрасно издали свои материалы. При этом Орхонская экспедиция В. В. Радлова, открыв и скопировав большое число рунических надписей в Хакасии и Туве, воспроизвела и старые, уже известные памятники повторно, фактически создав новое сводное издание рунических текстов Южной Сибири.

С этого момента сибирская руническая письменность стала именоваться орхоно-енисейской.

РАЗГАДКА ТАЙНЫ СИБИРСКИХ ПИСЬМЕН

Крупный русский востоковед В. Р. Розен, приветствуя выход в свет альбома «Енисейские надписи», писал: «Девятнадцатый век — век неслыханных и поистине удивительных научных открытий во всех отраслях знаний. В науке исторической археологии он останется вечно памятным дешифровкой письмен иероглифических и клинописных разных систем. Не хотелось бы верить, что загадочные до сих пор сибирские надписи перейдут неразгаданными в 20-е столетие». Этого и не случилось. До конца XIX века оставалось семь лет, когда был наконец-то найден ключ к прочтению рунических надписей Азии.

15 (3) декабря 1893 года на заседании королевской Датской академии наук в Копенгагене был сделан доклад «Дешифровка орхонских и енисейских надписей». Автором его был профессор Копенгагенского университета Вильгельм Людвиг Петер Томсен. Он был сыном почтмейстера и родился в 1842 году. Уже студентом проявил себя как способный лингвист и вскоре сделал себе имя как исследователь скандинавских языков, в том числе финского. Кроме основных европейских языков (надо ли говорить о древнегреческом и латыни, знание которых отличало тогда любого образованного человека?) В. Томсен овладел древнеславянским, чешским, сербским, польским, изучил венгерский. Для постижения этих языков он совершил специальные поездки в Вену, Прагу, Будапешт. Не миновали его интересы и восточные языки: арабский, персидский, японский, китайский, тамильский, которые лингвист изучал в Париже. Занимался он и цыганским, изучал и германские, и балтийские языки...

Русскому ученому обществу этот крупный филолог более всего был, пожалуй, известен своим историческим трудом о связях Древней Руси со Скандинавией и о происхождении Древнерусского государства.

Почему же тайна сибирских письмен раскрылась именно перед В. Томсеном? Ведь при всем многообразии его лингвистических познаний он не являлся специалистом по тюркским языкам (хотя и был с ними знаком весьма основательно). Правда, способность широкого взгляда на неведомое явление может указать правильный путь к его познанию. Но этого, разумеется, недостаточно. Главное, что отличало подход знаменитого ученого к расшифровке азиатских рун, состояло в следующем. Все его предшественники, исключая, конечно, многочисленных гадателей и говоря о серьезных ученых, основывались на постижении *внешних* особенностей сибирского письма. Тщательно изучая разнообразные древние письменности, они стремились отыскать среди известных такие, чьи знаки были подобны азиатским рунам по облику. А подобрав ряд таких букв, пытались применить их звуковое значение для прочтения орхоно-енисейских памятников. Поскольку ни тогда, ни сегодня не известно какого-либо древнего письма, прямо сопоставимого с нашими рунами, то привлекаемые подобия происходили обычно из нескольких различных письменных систем древности, допускались некогда произведенные заимствования букв из разных азбук и создание нового, смешанного письма в древней Сибири. Вот и подставлялись в камнеписные строки енисейских стел буквы из алфавитов то одного, то другого края, то той, то другой эпохи, то одного, то другого тысячелетия. Но все попытки такой дешифровки ничего не давали — сибирские письмена оставались непостижимой загадкой. Не могло, естественно, способствовать успеху и совершенное незнание того, на каком языке могли быть созданы эти надписи.

Вильгельм Томсен пошел другим путем. Он занялся анализом не внешних, а *внутренних* особенностей надписей. И для выявления таковых, вполне понятно, обратился к самым крупным текстам — обнаруженным на Орхоне стелам. Он избрал их по двум причинам. Во-первых, в огромных многострочных текстах яснее проявлялись все присущие неведомой письменности законы, была возможность многократного сравнения различных комбинаций букв и вероятные шансы точного установления самого их числа. Во-вторых, на оборотных сторонах обоих ор-

хонских памятников имелись китайские иероглифические надписи и можно было надеяться если не на совпадение их содержания с руническими строками, то на прояснение смысла одних текстов с помощью других — давно известных науке. В связи с этим вновь стоит подчеркнуть, что без открытия Н. М. Ядринцева и публикации вслед за тем обширных трудов двух экспедиций (финской — «Надписи Орхона» и русской — «Атлас древностей Монголии») дешифровка рунического письма Азии была бы, пожалуй, невозможна или, во всяком случае, далеко бы отстояла по времени от 1893 года.

Китайские надписи не совпадали с руническими ни по объему, ни, как выяснилось, по точному смыслу. Они не были буквальным переводом загадочных текстов. Зато ясно указали на происхождение и исторические условия, в которых были созданы эти памятники. Стелы оказались воздвигнутыми в 733 и 734 годах в память тюркского полководца и его брата — кагана. Итак, В. Томсену предстояло разобрать тюркские письмена, и он сделал это блестяще и очень быстро! Судите сами: воспроизведения текстов появились в 1892 году, а исторический доклад В. Томсена прозвучал в декабре следующего, 1893 года, сам же процесс дешифровки был завершен исследователем уже 25 (13) ноября.

Прежде всего В. Томсен установил направление письма, а значит, и направление прочтения строк. Они были начертаны на камнях сверху вниз, но буквы размещались боком, т. е. это были лишь размещенные по вертикали обычные строки. Сравнение всех похожих по набору букв мест обеих надписей (В. Томсен составил специальную таблицу, и читатель должен здесь вспомнить: на каждом камне содержится по нескольку тысяч знаков!), а также специальное рассмотрение с этой целью особенностей размещения надписей на енисейских камнях позволили ученому «решить этот вопрос совершенно категорически»: и каждая строка, и общий порядок строк на стеле соответствуют чтению справа налево.

Следующий шаг состоял в установлении количества букв, которыми выведены тексты. Их оказалось 38. Стольких букв не знает ни один настоящий алфавит — если каждый письменный знак передает один звук, то число букв в азбуке не бывает больше 30.

Выходит, решил ученый, что руническое письмо «должно быть или письмом слоговым, или по крайней мере таким, в котором знаки для одного и того же звука в известных пределах разнообразятся, смотря по различным условиям, в которых этот звук находится». «Первой моей задачей,— пишет В. Томсен,— было выяснить, имеются ли особые знаки для гласных и какие это знаки, и тут успех, в сущности, был достигнут довольно легко». Исследователь исходил, действительно, из вполне очевидного: если в тексте между двумя одинаковыми буквами стоит третья, то или она, или те два знака — обязательно гласная (т. е. в сочетании *хух* или игрек передает гласный звук, тогда икс — согласный, или наоборот). Быть может, такое соображение и можно назвать простым, но «легкому успеху» могли способствовать только те самые сравнительные таблицы В. Томсена и тщательное сличение всех подобных сочетаний знаков в этих огромных текстах. Так ученый нашел три буквы для гласных: одну для *у* и *о*, одну для *ӧ* и *ӱ* (звуки, немного похожие на русские *ё* и *ю*) и одну для *и* и *ы*. Долго не получалось с четвертой буквой — для *а* и *э* (потому что она по руническим правилам писалась только в конце слов).

Стало понятно, что остальные буквы надписей должны обозначать согласные звуки. Как же распознать их? Ведь остался немалый ряд в 34 знака. В. Томсен углубился в выяснение отношений всех этих знаков с известными гласными и понял, «что один и тот же согласный звук выражается различными знаками, смотря по сопровождающему его гласному». Для дальнейшего продвижения к успеху теперь требовалось прочитать хотя бы одно слово. И здесь исследователь встал на путь, пройденный и многими другими дешифровщиками: он решил поискать собственные имена, звучание которых известно из китайского сопроводительного текста.

Одним из наиболее часто встречавшихся на обоих камнях словом оказалась группа из четырех рунических знаков, последний из которых был уже известен как *и*. Отмечая неразгаданные буквы иксом, мы можем записать это слово как *хххи*. Учитывая, что это слово, «между прочим, довольно часто занимает бросающееся в глаза положение» (прежде всего — в начале новых отделов надписей), и, зная уже, что глас-

ные звуки не всегда обозначались на письме, В. Томсен решил, что перед ним слово *т-нг-р-и* (*тенгри* — «бог, небо»), известное всем тюркским языкам и служившее частью титула верховного правителя: «каган небесный».

Вторым открытием явилось выделение группы знаков, часто встречавшейся на одном памятнике и совершенно отсутствовавшей на другом. Вполне правдоподобно было предположить, что она обозначала имя того человека, которому была посвящена сама надпись. Хоть и с характерными китайскими искажениями, но это имя (как и второе — для другого памятника) было записано в сопровождавших руническое строки иероглифических текстах. В. Томсен отождествил имена и примененные для их записи руны: Кюль-тегин и Бильге-каган. В первом имени нашло подтверждение определение буквы *т* в смело предположенном прочтении *тенгри*, второе имя подкрепили *л* и *г*, встреченные в первом, все гласные оказались на «своих» местах. Четвертым прочиталось *тюрк* — имя народа, окончательно определился и язык надписей. Дело пошло: «Чтение определенных таким образом знаков в других словах,— писал позднее В. Томсен,— делало для меня ясными и понятными как чисто тюркские все более и более многочисленные слова, и одновременно эти же слова раскрывали мне поодиночке значение остававшихся еще темными знаков, пока наконец не выяснился мне весь алфавит».

Как все просто и ясно (не правда ли?), когда вам объясняют уже свершенное дело! А ведь В. Томсена, год 1893-й, и Д. Г. Мессершмидта, год 1721-й, разделяет более 170 лет. Между открытием сибирских рунических надписей и обнаружением ключа к их прочтению лежит труд шести-семи поколений исследователей! Труд историков, археологов, лингвистов, историков письма, путешественников и краеведов.

Едва придя в себя от пережитого волнения, огромной творческой радости и напряженной работы, сменившей пришедшее озарение, В. Томсен пишет письмо в Россию, стремясь сообщить о своем открытии В. В. Радлову. Ему шлет он и список знаков рунического алфавита — за несколько дней до своего знаменитого доклада в Датской академии наук. По некоторым данным, разгадка тайны рунического

письма пришла к В. Томсену 25 ноября 1893 года. Письмо к В. В. Радлову датировано 29 (17) ноября. Поступок этот объясняется не только понятным уважением к одному из крупнейших тюркологов тогдашнего мира, не одним стремлением поделиться радостью с исследователем, лично изучавшим подлинники древних памятников в Монголии и Сибири; датский профессор писал российскому академику, ибо знал, что тот также занят разгадыванием секретов неизвестного письма. К моменту победного завершения трудов В. Томсена В. В. Радлов сумел самостоятельно определить значение 11 из 38 рунических знаков.

Все время оба исследователя делились друг с другом своими находками. Так, В. В. Радлов письмом сообщил В. Томсену, что отыскал среди знаков гласные, и указал их конкретные значения, о чем датский ученый сообщил в своем первом же выступлении: выводы обоих ученых совпадали. Совпадали и независимо полученные прочтения отдельных важных для дешифровки мест памятников, причем разработки Радлова иногда давали Томсену «возможность заполнить пробел» в понимании каких-то знаков.

Судьба настолько крепко связала помыслы этих выдающихся ученых, их сотрудничество было столь близким, что оба они, воздавая друг другу должное, продолжали способствовать успеху общего дела. Первооткрыватель рунического алфавита не только отмечал, что «я нахожу еще темными многие детали самих надписей», но и прямо писал в упомянутом уже письме: «Что касается толкования и перевода надписей, я сожалею только о том, что не являюсь Радловым». Вот ради этого призыва, ради своеобразного и весьма достойного признания и написал свое письмо с результатами дешифровки В. В. Радлову датский профессор. Всеми силами он стремился ускорить процесс прочтения загадочных древних текстов, надеялся на быстрое участие в этом важном деле своего российского коллеги.

В. Томсен не ошибся в своих надеждах. Получив письмо из Копенгагена, Радлов, по словам одного из его учеников-очевидцев, «засел и в один месяц (!) напечатал в транскрипции и переводе 3 больших и 2 маленьких надписи... в количестве 50 экз. и разослал по России и по Европе». Итак, узнав в начале декаб-

ря о дешифровке Томсена, В. В. Радлов, уже на первом январском заседании Академии наук доложил первое прочтение и перевод огромного по величине и сложнейшего по содержанию текста памятника Кюль-тегина. Ученое собрание приняло решение размножить материалы и разослать их для обсуждения отдельным исследователям и научным обществам. Надо ли упоминать, что первый экземпляр брошюры был послан В. Томсену?

И заговорили, наконец, многие столетия молчавшие письмена. Через два месяца, в марте 1894 года, В. В. Радлов выпускает первую часть «Древнетюркских надписей Монголии», в мае следует второй выпуск этого труда и в 1895 году — третий: прочтения, переводы, словари, объяснения знаков алфавита и анализ сочетания рун, описание грамматического строя языка орхонских и енисейских памятников, хронологический справочник, указатель собственных имен, встречающихся в текстах...

Прервем ненадолго рассказ о расшифровке рунических текстов. Необходимо познакомить читателя с биографией российского академика Василия Васильевича Радлова. Без этого нельзя в полной мере понять и оценить личность этого замечательного ученого.

Фридрих Вильгельм Радлофф родился 5 января 1837 года в Берлине в семье городского комиссара полиции. В Берлинском университете он изучал языки: монгольский, маньчжурский, татарский, османотурецкий, китайский, древнееврейский, арабский, персидский и русский. Стремясь к исследованию тунгусо-маньчжурских племен Приамурья (в то время совершенно неведомых европейской науке), молодой ученый, только что получивший в Йене степень доктора философии, приехал в 1858 году в Россию. Поездка на Амур не состоялась, но через год доктор Радлов, величаемый теперь Василием Васильевичем, оказывается все же весьма далеко от столичного Петербурга — он преподаватель горного училища в Барнауле. Все 12 лет жизни, проведенные на Алтае, исследователь не только занимается педагогической деятельностью, но и совершает постоянные и длительные поездки по самому Алтаю, Туве и Хакасии, Шории, Восточному Казахстану, Киргизии, добираясь до Узбекистана и Северной Монголии. Маршруты его экс-

педиций по Сибири ложатся от Тобольска до Канска. В. В. Радлов с горячим энтузиазмом собирает огромный материал по всем живым тюркским языкам этой обширной зоны, записывает множество произведений устного народного творчества. Никто не мог уже сравниться с ним по знанию речевого богатства восточных тюркских народов. А он в дополнение к этому изучает и их быт, верования, обряды, историю, собирает этнографические и археологические коллекции, сам проводит раскопки.

Наступает пора обобщающих разработок, и в 1872 году В. В. Радлов переезжает в Казань — крупный востоковедческий центр того времени. Основное направление его изысканий здесь — это анализ звуков тюркских языков. В своих теоретических исследованиях лингвист отстаивал и развивал наиболее передовые взгляды эпохи, ставшие истоками современного языкознания. Еще через 12 лет, в 1884 году, ученый избирается «ординарным академиком по части истории и древностей азиатских народов» и начинается петербургский период его жизни. Завершив описание и классификацию современных тюркских языков, В. В. Радлов остальное внимание переносит на изучение истории этих языков и обращается к древним письменным памятникам, начертанным арабским, уйгурским, сирийским, манихейским, латинским и иными шрифтами. И особое место в работах этого великого труженика науки занимают надписи орхоно-енисейского письма. Он начал их исследование еще до дешифровки рунических знаков, первым принялся за их истолкование сразу же по открытии ключа к их прочтению и более остальных (пожалуй, даже вместе взятых) сделал для постижения этих древнейших в мире памятников тюркской речи.

В. В. Радлов умер в 1918 году, создав особое направление в тюркологии и воспитав плеяду крупных специалистов-тюркологов. Руническими письменами занимались П. М. Мелиоранский, А. Н. Самойлович и виднейший тюрколог — С. Е. Малов, в свою очередь вырастивший многочисленных учеников, среди которых увлечение руническими надписями отличает прежде всего А. М. Щербака, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева.

...В. Томсен лишь в 1896 г. издал подробное изложение своего открытия — обоснование значения и

способа употребления всех знаков орхоно-енисейского письма. Им были уточнены и некоторые места в прочтении и переводе памятника Кюль-тегина, выполненных В. В. Радловым. Работа продолжалась. Однако сам В. Томсен после этого занялся другими областями языкознания, продолжая лишь изредка обращаться к той отрасли, при разработке основ которой он заслуженно и навеки снискал мировую славу.

РУНИЧЕСКАЯ ГРАМОТА

Школа. Большинство взрослых, пожалуй, помнят два тесно переплетенных в душе чувства, которыми были наполнены их школьные годы: радости от огромного нового мира, мира новых людей-сверстников и новых, манящих своей недетскостью знаний, и тревоги, постоянной и сильной тревоги от того, что твое неведение и отстраненность от всех этих мудростей, совершенно ненужных тебе в твоей повседневной тогдашней жизни, в любую минуту могут быть обнаружены учителем и продемонстрированы всем и каждому.

Любому читающему эти строки, а значит, и овладевшему русской грамотой нет, конечно, нужды объяснять, что любая письменность имеет свои правила воспроизведения слов и их связи в речи. Каждый, кто хотя бы на мгновение вдруг задумывался, как же правильно вывести на бумаге то, что без всякого труда только что сошло с языка или само собою сложилось в голове, какая здесь должна писаться буква, вместе или врозь надо разместить слоги, понимает, о чем я говорю. А что творится в вашей душе, когда «иностранными» буквами необходимо вывести слова чужой речи? Если не глупцами, то уж во всяком случае простофилями или мучениками предстают англичане, которые «говорят одно, а пишут другое». Кто поначалу не изумлялся, сколькими способами и какими только наборами знаков не передают французы вроде бы одни и те же звуки?

Действительно, не только по личным привычкам, но и по вполне объективным оценкам бывают письменности, в большей или меньшей степени пригодные для записи того или иного языка. Правильнее, пожалуй, даже сказать о письменах, точнее или условнее передающих звуки данного языка. За всю длительную историю существования тюркских языков (точнее, от средневековья до современности) применялось

немало различных по происхождению и облику письменных систем для их записи. Ныне известны тюркоязычные тексты на уйгурском, арабском, манихейском, согдийском, сирийском, тибетском, греческом, армянском, кириллическом (русском), латинском алфавитах, на письме брахми (индийском) и начертанные китайскими иероглифами. Даже так называемые рунические надписи, как недавно выяснилось, написаны на *восьми* различных алфавитах. И орхоно-енисейские памятники тоже представляют два близких, но неодинаковых письма: орхонское и енисейское. Третья письменность, родственная этим двум, таласская, известна на землях Киргизии.

Вот об особенностях письма на этих трех алфавитах далее и пойдет речь, так как остальные руноподобные написания все еще и сегодня остаются недешифрованными.

Классические древнетюркские рунические алфавиты — орхонский и енисейский (таласский изучен менее) — оказались необыкновенно, удивительно, чрезвычайно удобными для записи тюркской речи. Они передают ее особенности точнее всех перечисленных письменностей, в том числе и применяемых сегодня латиницы, кириллицы или арабского письма.

Дело в том, что орхоно-енисейские руны согласуются с одним из основных законов, определяющих облик тюркского слова. Это правило речи называется законом гармонии гласных. В любом слове собственно тюркского происхождения могут быть употреблены или только твердые, или мягкие гласные. Будут соседствовать либо *а, о, у* и *ы,* либо *э* (или *е*), *ё, ю* и *и* (эти русские буквы, как уже было сказано, весьма приблизительно передают тюркские звуки). Сравните русские слова тюркского происхождения: казак, басмач, колчан, курага, казан и джигит, кирпич, названия городов — Кызыл, Курган, Тюмень. Корней Иванович Чуковский тюркский принцип гармонии гласных избрал для образования экзотических имен: Карабас Барабас и Акула Каракула. И если вы в тюркской речи встречаете слова, в которых твердые знаки мешаются с мягкими, то это результат воздействия других языков. Сразу ясно, например, что имя Виктор, где *и* соседствует с *о*, не тюркских корней. Поэтому еще недавно люди, с детства не слышавшие русской речи и сохранявшие до старости

№	Русск.	Енис.	Орхон.	Латин.
1	а, э			a, ä
2	э		–	ä
3	ы, и			ï, i
4	о, у			o, u
5	ё, ю			ö, ü
6	$б^1$			$в^1$
7	$б^2$			$в^2$
8	$г^1$			γ
9	$г^2$			g
10	$д^1$			d^1
11	$д^2$			d^2
12	з			z
13	$й^1$			j^1
14	$й^2$			j^2
15	$к^1$			q
16	$к^2$			k
17	ык, кы			ïq, qï
18	ок, ко			oq, qo
19	ёк, кё			ök, kö
20	$л^1$			l^1

№	Русск.	Енис.	Орхон.	Латин.
21	$л^2$			l^2
22	м			m
23	$н^1$			n^1
24	$н^2$			n^2
25	$нг^1$			$ŋ^1$
26	$нг^2$			$ŋ^2$
27	нй			ñ
28	нт, нд			nt, nd
29	нч			nč
30	п			p
31	$р^1$			r^1
32	$р^2$			r^2
33	$с^1$			s^1
34	$с^2$			s^2
35	$т^1$			t^1
36	$т^2$			t^2
37	ч			č
38	$ш^1$			$š^1$
39	$ш^2$			$š^2$
40	раздел	:	:	–

Таблица письменных знаков енисейского и орхонского рунических алфавитов и их передача русской и латинской азбуками

природное произношение, не могли правильно (с точки зрения русских норм) произносить некоторые имена. В их устах Ананий, например, где соединяются *а* и *и*, превращался в Ананай или Онанай, а Евдокия (*е* и *и* соседствуют с *о*) — в Эбдекей и т. п.

Закон гармонии гласных действует и при изменении слов. Если в корне имеется твердый гласный, то и во всех присоединяемых частицах будет тоже твердый. Если мягкий — то мягкий. Поэтому все приставки (а они ставятся за корнем слова) имеют по крайней мере два варианта. Так, множественное число показывает частица *лар*, но она же имеет и фор-

му *лер*: татары будет *татарлар*, а тюрки — *тюрклер*. Разновидностей у одного и того же показателя бывает и еще больше, тогда соответствие гласного корневого звука с прибавляемым будет еще точнее: например, частица, указывающая на место размещения, предстает в облике *тын, тин, тун, тюн* («снаружи» — *таштын*, «на востоке» — *кюнтюн* и т. д.).

Вот эту-то главную особенность построения тюркских слов и учитывает руническое письмо. В нем почти для всех согласных существовало по две буквы: два *б*, два *г*, два *д* и т. д. Одна из букв каждой пары употреблялась только с мягкими гласными, другая — с одними лишь твердыми. Если бы мы сегодня решили записать древнетюркским письмом русские слова «был» и «бил», то они оказались бы совершенно непохожими друг на друга внешне: оба *б* и *л* были бы в них разного вида. Парные согласные буквы настолько отличались по форме, что спутать их совершенно невозможно. Не были бы похожи друг на друга и буквы *д* в словах «дым» и «едем», «дом» и «едим» и т. п.

Такое несходство знаков позволяло древним писцам не всегда обозначать гласные буквы — они легко додумывались, исходя из облика окружавших согласных. Так, тюркские слова *бар* («быть, иметься») и *бир* («один») писались оба как *бр*, но прочесть одинаково их было невозможно: и *б* и *р* в каждой паре были совершенно разные. Возможности подбора ненаписанного звука не были слишком широкими, ибо буквы для *у, о, ю* и *ё* выводились обязательно. И оставалось угадать только *а, ы* или *э, и*. Сделать это правильно помогал смысл фразы, в которой применялось слово.

То, что здесь рассказано,— только общий принцип рунического письма. Были еще и особые правила правописания. Они распространялись не только на выбор одной из двух возможных букв для согласных, но более всего на то, надо ли обозначать ту или иную гласную. Обязательно писалась гласная, если была в слове последним звуком (например, *анда* — «там», *ики* — «два», *алты* — «шесть» и т. д.), и не всегда, но часто — если слово с нее начиналось или в первом слоге. Правда, это относится к знаку для *ы* и *и*, так как *а* обозначалась почти исключительно лишь тогда, когда была последней. В непервом слоге, как прави-

ло, не писались все гласные (так как их звучание во многом определялось характером звука в первом слоге). Особенно это относится к присоединяемым к корню частицам. В такой ситуации могли лишь обозначаться буквы для *у, о, ю* и *ё*, если в начале слова были другие звуки.

Практически в каждой надписи правописание не бывает таким четким и ясным. Много допускалось отклонений, и причина этих сбоев, вероятно, не в малограмотности писцов, а в разных, не до конца нами понятых расхождениях в звучании слов, с одной стороны, и школах правописания разных стран — с другой.

Нормы письма разнообразит и существование в рунической азбуке некоторых букв, каждая из которых обозначала не один звук, а два. Были, например, особые знаки для *ык* или *кы, ок* или *ко, ёк* или *кё*. При них никогда не требовалось написание самих гласных.

Читатель увидит из таблицы азбук, что некоторые согласные обозначались только одним знаком (таковы *м, нг, з, ч, п*) и что другие знаки передавали два согласных сразу (*нд, нч, лд*), что одна гласная буква обычно применялась для записи одного из двух звуков (*а-э, ы-и, о-у, ё-ю*). Был в рунической письменности еще и специальный знак для раздела слов, но он вовсе не всегда отделял каждое слово от соседнего, чаще выделял группы слов или короткие фразы.

Я отнюдь не стремлюсь посвятить любознательного человека во все тонкости грамотного письма рунических знаками (сегодня, пожалуй, никто не выдержит такого диктанта, так как многие вопросы рунической орфографии недостаточно изучены). Моя задача — дать почувствовать, что здесь — в самом древнем тюркском письме, которое мы сегодня знаем,— была своя система, свои нормы, отличающиеся от того, к чему мы привыкли. И вовсе недостаточно выучить руническую азбуку, чтобы правильно писать рунами. Этому надо серьезно учиться, как и грамотному письму на любом другом алфавите.

Не так-то просто сегодня и читать рунические надписи. Даже длинные, где выяснению непонятных сочетаний знаков помогает смысл соседних фраз. А уж короткие начертания, иногда содержащие лишь

пять-шесть букв, даже столь крупный ученый, как Сергей Ефимович Малов, назвал ребусовидными. Не отступая от норм тюркской речи, всегда можно предложить несколько вариантов прочтения одной и той же надписи, если она коротка. Поэтому в науке принято при разборе рунических надписей помещать их побуквенную запись, тогда любой исследователь вправе самостоятельно попытаться восстановить пропущенные в древности гласные и предложить свое понимание содержания текста. При таких побуквенных записях, называемых транслитерациями, согласные буквы для твердых слогов помечают цифрой [1], а согласные для мягкого слога — цифрой [2]. Пользуясь этим приемом, приведу примеры написания разных слов в рунических надписях: *л¹т¹ы — алты* («шесть»), *ог¹л¹н¹нгз — огланынгыз* («ваши юноши»), *т²мр²к¹пг¹ — темир капыг* («железные ворота»), *б¹од¹н¹—бодун* («народ»), *б²т²г²—битиг* («надпись»), *к²юмш — кюмюш* («серебро»), *б²р²т²м — бертим* («я дал»), *р²т¹м — эр атым* («мое мужское имя»)...

Вильгельмом Томсеном была произведена дешифровка рунического письма по текстам, найденным на Орхоне. И он сам, и В. В. Радлов обратили внимание на определенные особенности, имевшиеся в письме енисейских памятников и отличавшие их от орхонских. Хотя в основном набор письменных знаков на камнях, найденных в Сибири и в Монголии, совпадал, среди енисейских букв были такие, которые не встречались среди орхонских, в тех и других текстах применялись своеобразные формы одних и тех же букв.

В дальнейшем эти наблюдения были уточнены, и выяснилось, что средневековое тюркоязычное население Сибири и Монголии пользовалось двумя близкими, родственными по происхождению, но все же разными алфавитами. Подобная картина часто наблюдается в истории, когда два или более народа вступают в тесное культурное общение. Для примера вспомним сегодняшние национальные азбуки народов Южной Сибири. Хакасское, алтайское и тувинское письмо очень близки друг другу, так как все вместе восходят к одной алфавитной основе — русской кириллической азбуке. Но и в хакасском, и в алтайском, и в тувинском письме есть своеобразные буквы, отличающие эти азбуки друг от друга и, уж конечно, от рус-

ского алфавита. Подобным образом были близки друг другу и подобным образом отличались и древние рунические алфавиты: енисейский и орхонский.

Поэтому на приведенной мною таблице имеются две разные колонки. К тому же использование в енисейском письме большего, чем в орхонском, количества букв для гласных (например, специальной буквы для *э*) приводило и к различиям в правописании. Кроме главных расхождений между двумя этими письменами были еще местные отклонения в наборе применявшихся знаков и в правилах их написания.

Во всех последующих разделах нашего рассказа это важное обстоятельство — существование не одной письменности, которую часто и называют обобщенно орхоно-енисейской, а двух различных самостоятельных рунических алфавитов Азии — будет обязательно учитываться.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ РУНИЧЕСКОГО ПИСЬМА

Разгадка древнего письма, постижение его законов, способность прочесть неведомые тексты — что может быть более захватывающим для исследователя, проникающего благодаря этому в совершенно новый, ни для кого еще недоступный, многообразный мир былой человеческой жизни, с ее событиями, думами и надеждами! Читать, читать и читать! Разбирать надпись за надписью — все до последней! Вникать и вникать в смысл высеченных на камнях и несущих новые и новые сведения слов! Искать другие надписи! Узнать как можно больше!

Разве непонятно это стремление? Уверен, что каждый человек, взявший в руки эту книжку и пробегающий сейчас глазами эти строки, очень хочет узнать, что же было написано на поверхности скал, ради чего испещрены руническими знаками огромные камни. И, вполне понятно, обо всем этом я обязательно расскажу. Но чуть позднее.

Сейчас очень важно понять, что значение древних письменных памятников не определяется одним лишь содержанием их текстов. Даже переведя на современные языки их все, мы не сможем с необходимой полнотой определить культурный уровень оставившего надписи общества. Нельзя оставить без ответа вопрос: откуда и как появилась в нем письменность? Кто и когда ею пользовался?

К решению первого вопроса в науке, начиная с конца прошедшего столетия, выработалось два основных подхода. Сторонники первого учитывали тот несомненный факт, что в раннем средневековье тюркоязычные народы соседствовали со многими культурными странами, знавшими письменность задолго до VIII века (к которому относятся наиболее ранние достоверно тюркские рунические надписи). Характер рунических знаков сразу же отсекал теоретически возможное влияние письменной культуры иероглифи-

ческого мира Дальнего Востока. Не подходила и письменная среда Северо-Западной Индии, достигавшая Восточного Туркестана и юга Средней Азии, но отличавшаяся слоговым характером буквенных знаков и не знавшая отдельного обозначения гласных.

Оставался обширный древний и многообразный западный регион азиатских алфавитов. Подавляющее большинство письменностей, бытовавших здесь в раннем средневековье, произошло из общего источника — той или иной разновидности так называемой арамейской письменности. Это письмо, появившееся около 30 веков назад, стало государственным в могущественнейших державах Востока: Ассирии и Древней Персии. Оно стало средством международного общения на обширнейшей территории от Египта до Индии и, вместе с формированием на всех этих землях самостоятельных государств, легло в основу большинства местных алфавитов: пехлевийского (персидского), парфянского, бактрийского, хорезмийского, манихейского (пальмирского), согдийского и других. Поскольку арамеи были народом семитоязычным, а в этих языках основное значение слов передают входящие в них согласные звуки (например, *китаб* — «книга, письмо», *катаба* — «он писал», *кутиба* — «написан», *катиб* — «писец» и т. д.), то им была присуща древняя система обозначения на письме одних согласных и пропуска гласных (вспомним, например, как эту манеру преодолели арабы, обозначающие гласные точками над или под знаком для согласного). Такая письменность называется согласной (консонантной).

Если обобщить все сказанное, то будет понятно, что ученые, отыскивая возможный источник заимствования письма древними тюрками, не только опирались на общую культурную ситуацию той эпохи, но и учли характерную для рунических надписей традицию «экономить» на обозначении гласных букв, увидев в этом вполне вероятную связь с древними консонантными письменностями. Уже В. Томсен осторожно заметил, что данное сходство при учете подобия облика некоторых знаков может указывать на происхождение рунического письма от алфавита арамейского корня (он называл пехлевийскую азбуку). В этом направлении развивали свои гипотезы и многие другие исследователи. Последняя по времени ра-

бота предполагает творческое восприятие древними тюрками форм согдийского скорописного письма. И хотя большинство ученых склоняются к подобному мнению, необходимо все же сказать, что почти вековые поиски рунического прототипа в письменах арамейского корня не выглядят убедительными.

Во-первых, нет сходства ни с одной из этих письменностей в облике, пускай, не всех, но хотя бы большинства древнетюркских букв. Во-вторых, очевидно, что из 22 арамейских букв нельзя прямо произвести вдвое большее число рун. В-третьих, бессмысленно было бы превращать скорописные и связные начертания согдийского курсива в линейное, непригодное для быстрого и связного написания в рукописях древнетюркское руническое письмо, совершая шаг назад в технике самого письма.

Все это, конечно же, осознается исследователями. Подразумевая арамейские корни рунического письма, они по большей части говорят о творческом заимствовании, изменении буквенной основы для формирования собственного алфавита и т. п. Наиболее последовательно такую гипотезу выразил крупный британский лингвист сэр Джерард Клосон. По его мнению, руническое письмо было специально изобретено в конце VI века по приказу кагана Эштеми, причем за основу была взята иранская азбука арамейского корня, дополненная путем введения нескольких букв греческого алфавита, а также усложненная элементами тайнописи.

Такая гипотеза, как и все близкие ей по подходу, не учитывает того, что руническое письмо не было единым, а значит, и не могло быть изобретено в одном месте по воле одного человека. Уже самые ранние памятники, как пришлось упоминать, демонстрируют нам два классических рунических алфавита — орхонский и енисейский, имеющих отличия. Может быть, не этот довод будет самым важным при отказе от приведенного мнения авторитетного ученого: сходство енисейского и орхонского письма очевидно, и вполне допустимо полагать, что некогда они произошли от одного общего письма. Серьезнее учесть другое: будь руническое письмо специально изобретено для записи тюркской речи (а на предположение об этом прямо-таки наталкивает чрезвычайная точность и удобство в записи тюркских слов рунами),

в нем, вероятно, не было бы отклонений от строгой общей схемы построения самой азбуки. В самом деле, как тогда могли бы мы объяснить, например, соединение в одном алфавите двух принципов записи согласных: одной буквой одного звука (мягкого или твердого) и одной буквой сочетания двух согласных (*лт* или *лд, нд* или *нт* и подобных)? Ведь те же два звука могут быть записаны двумя отдельными буквами для каждого из согласных. Для чего такое дублирование? Разве оно увязывается с принципом общего построения азбуки?

Есть и другие противоречия, мало понятные при допущении, что над созданием рунического письма некогда трудились древний лингвист или языковедческая комиссия. Например, во всех случаях, казалось бы, соблюден принцип записи любого согласного (твердого или мягкого) с любым из сочетающихся с ним гласным (твердым или мягким). Но вполне употребимы и буквы, отражающие иной принцип записи слога: одна буква *к* может соседствовать только с *о* или *у* и не может с *а* или *ы*; другая буква *к* — только с *ы*, но не с *а, у* или *о*, и т. п. Как видим, в рунической азбуке нет абсолютно строгого соблюдения единого принципа записи звуков и их сочетаний, что было бы обязательно при рациональном процессе ее формирования во времена не столь отдаленные от первых известных науке рунических памятников.

Состояние рунической азбуки, отмечаемое в равной степени и для енисейского, и для орхонского письма, скорее указывает, что она не могла быть предметом изобретения, совершенного специально для создания текстов на тюркских языках и созданного со знанием и учетом всех звуковых особенностей тюркской речи. По-видимому, за каждым из рунических алфавитов лежит долгий, быть может, многовековой путь развития и плавного изменения и совершенствования некой письменности-основы. Этапы этой эволюции, изменявшие в какой-то мере принятые тогда нормы письма, и отразили, наиболее вероятно, некоторые специфические противоречия в передаче звуков, отмечаемые в рунической азбуке на стадии, представленной известными письменными памятниками.

Наши наблюдения позволяют теперь вспомнить второй довольно распространенный подход к объяс-

нению появления рунического письма. Он также сформировался уже в девяностых годах прошлого века. Ряд русских исследователей, хорошо знавших быт степных тюркоязычных народов, высказали мысль о происхождении рун из так называемых тамг, т. е. знаков собственности, применявшихся как тавра для клеймления скота, в качестве личных знаков-подписей, печатей и т. п. Такие знаки всегда имеют довольно простые линейные и геометрические формы, в некоторых случаях действительно напоминающие облик рунических букв. К тому же каждый знак-тамга имел свое название. Последнее обстоятельство легко сопоставить с парой рунических букв: первая — в виде стрелки — читается как *ок* (или *ук*), что на всех тюркских языках означает «стрела», вторая — в виде полумесяца — произносится как *ай*, что и значит у всех тюрков «месяц, луна». Получается, что по крайней мере две рунические буквы передавали собою целые слова, а их облик восходит к изображению самих называемых предметов. Таков принцип рисуночного (пиктографического) письма, хорошо известный науке, поскольку он был опробирован многими народами, и знакомый каждому из опыта собственного детства или благодаря фантазии собственного ребенка. Применяется он и сегодня, прежде всего там, где необходимо передать несложные сведения любому человеку независимо от языка, которым он владеет. Вспомните, скажем, знаки дорожные или выводимые на упаковочных коробках, олимпийские символы различных спортивных состязаний и т. п.

Сторонники идеографического происхождения рунического письма возводят к изображению копья (тюркское *сюнгюг, сюнгю*) и букву c^2, имеющую вид прямой вертикальной линии, а знак $т^1$, завершающийся обращенным вверх уголком, объясняют в качестве изображения горы (тюркское *таг*) и т. д. Надо ли говорить, что были предприняты попытки возвести внешний вид всех рунических букв к такого рода «картинкам», объясняющим появление этой самобытной письменности от древнетюркских изображений? Полагаю, что читатель и сам понимает, что такая догадка вполне возможна. Ибо она проста. Но сомнительна, «так как тут,— говоря справедливыми словами выдающегося лингвиста Е. Д. Поливанова, аргументированно показавшего возможность идеогра-

фического истолкования названных мною выше отдельных знаков,— приходится вступать на заведомо скользкий, лишенный критерия достоверности путь».

Доводы, не позволяющие принять тамгового происхождения рунического письма, могут быть использованы и при критике другой гипотезы, утверждающей, что эта письменность применялась тюркоязычными народами издревле — с раннего железного века, т. е. по крайней мере уже две с половиной тысячи лет назад. Обе гипотезы не учитывают, что в самом строе рунического алфавита есть определенная «нетюркскость», которая, пожалуй, не позволяет говорить о формировании этого письма в тюркской языковой среде. Почему, например, у тюрков появились специальные знаки для обозначения соседства двух согласных? Ведь в тюркской речи согласные всегда принадлежат к двум разным слогам и, следовательно, не могут по природе своей составлять какого-то особого единства, которое требовало бы обозначения особыми буквами (типа рун *нд-нт, лд-лт* и т. д.).

Кроме того, особого внимания для уяснения основ происхождения рунического письма требует принятая в нем манера обозначения гласных. Прежде всего — способ передачи двух звуков (*о* и *у*, *ё* и *ю*) одной буквой. Почему для других гласных есть всегда свои собственные знаки для каждого звука (*а, э, ы, и-е*), а для этих существовали «общие» буквы? Возможно, оттого, что в языке, породившем руническое письмо, был только один губной гласный твердый (или *о*, или, скорее, *у*) и только один губной гласный мягкий (или сходный с *ё*, или похожий на *ю*). Такой ситуации не было даже в древнейшем пратюркском языке, зато она известна для языков других семейств (в частности, для прасемитских).

Сторонники изначально тюркского происхождения рун часто опираются на находки древних надписей, которые кажутся им похожими на рунические. На самом деле это ошибка, порожденная поверхностным сходством резных знаков других письменных систем с древнетюркскими руническими. Не составляет исключения в этом плане и знаменитая надпись на серебряной чаше из Иссыкского кургана в Казахстане, содержавшего захоронение жреца-правителя (так называемого «золотого человека»).

Автор этих строк склонен считать, что древне-

тюркское руническое письмо является вершиной большого айсберга, не только основание, но и основной массив которого скрыты в океане времен. В строе рунического алфавита можно проследить несколько стадий плавного видоизменения предназначения письменных знаков. Первоначально они, вероятно, принадлежали к слоговому письму: каждая буква передавала сочетание гласного и согласного звуков, причем гласный следовал за согласным (такой порядок прозывается открытым слогом). Затем знаки главным образом читались как закрытые слоги (т. е. порядок звуков был обратным: сначала шел гласный, потом согласный). На третьей стадии буквы начали по преимуществу передавать только по одному согласному звуку (или по одному гласному, для последних всегда были и специальные буквы). В ходе такой эволюции число букв в обиходе сокращалось и достигло парного состояния, столь удобного для передачи согласных в зависимости от соседствующего с ними гласного,— можно думать, что именно эта черта рунического письма и привлекла внимание древнетюркского «филолога», языковедческий талант которого, таким образом, более всего проявился в выборе среди многих современных ему систем письма той, которая в наибольшей степени подходила к звуковому строю тюркской речи.

Итак, эти трудные для восприятия страницы понадобились мне для того, чтобы терпеливый читатель понял два обстоятельства. Во-первых, определение истоков и условий происхождения рунической письменности древних тюрков дело совсем не простое и еще очень далекое от своего завершения. Значит, и простым ответам на этот вопрос не следует доверять с легкой душой. Во-вторых, мнение автора этих строк заключается в том, что руническая письменность не была изобретена самими тюрками, а была ими заимствована на каком-то этапе своей длительной истории в уже готовом виде и без особых изменений применена для записи тюркоязычных текстов. Когда это произошло, сегодня точно определить нельзя.

Можно довольно уверенно отметить другое. Уже к началу далекого VIII века в тогдашнем тюркоязычном мире бытовало не единое, общее для всех тюрков письмо (которое обычно так и называют древнетюркским или орхоно-енисейским), а исторически близкие,

но вполне уже самостоятельные алфавиты: енисейский и орхонский. Причем енисейское письмо по набору применявшихся в нем знаков выглядит более старым, чем орхонское. Прежде всего об этом говорит большее, чем в орхонском, количество использовавшихся букв (см. таблицу). Дело в том, что в каждой старой азбуке, долгое время не подвергавшейся сознательному реформированию, обычно имеется несколько больше букв, чем употребляется людьми при практическом письме. Укажем, например, на русскую азбуку, где до 1918 года были буквы *кси, пси, ижица* и другие, мало или вовсе не применявшиеся на письме. Можно и не ходить столь далеко: обратите внимание, что в читаемом вами сейчас тексте практически отсутствует буква *ё* (за исключением случаев, когда отдельно называется именно этот или похожий звук). В словах мы его уже не пишем (точнее, не печатаем, так как в рукописях он применяется), а ведь в азбуке он сохраняется.

Приблизительно такая же картина была и в рунических письме. В его алфавите было 48 письменных знаков, но в орхонских памятниках применялось 38 букв, а в енисейских — не менее 40. Остальные руны или вовсе не использовались для создания текстов, или применялись в них редко, иной раз — исключительно редко.

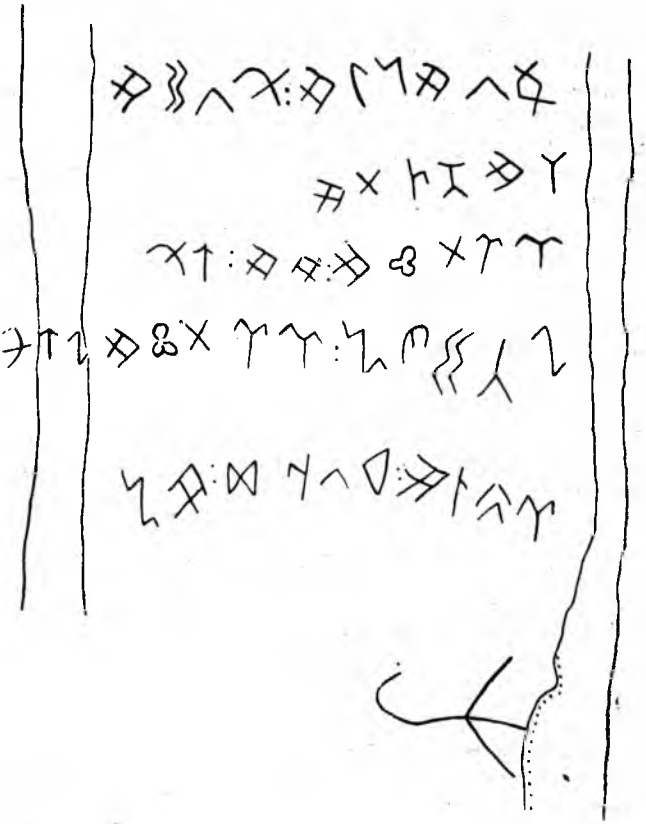
Главной причиной расхождения рунических алфавитов было то, что каждый из них был государственной, официальной письменностью отдельных держав. Орхонский алфавит применялся во Втором Восточнотюркском каганате, существовавшем в 682—745 годах, и сменившем его Уйгурском каганате (745—840 годы), государственное устройство которого во всем подчеркивало преемственную связь с предшествующей державой. Енисейская же письменность была присуща Древнехакасскому государству. На его коренных землях — в Хакасско-Минусинской котловине в бассейне Среднего Енисея — до сих пор не обнаружено ни одной надписи, выполненной орхонской письменностью. Орхонские по письму тексты встречены лишь на основной территории названных центральноазиатских каганатов в Монголии, а также в оазисных центрах Восточного Туркестана — там, куда отошли разбитые князья после гибели Уйгурского каганата и где существовали религиозные общины манихейцев —

единоверцев древних уйгуров. Среди наскальных надписей Горного Алтая известны некоторые характерные по облику знаки, отличавшие орхонскую азбуку и свидетельствующие тем самым, что некогда и в этих землях бытовало орхонское руническое письмо.

Древнехакасское по государственной принадлежности енисейское письмо получило очень широкое распространение. Первоначально эта письменность, вероятно, применялась лишь на коренных землях — к северу от Западносаянского хребта, в Хакасско-Минусинской котловине. Наиболее ранние образцы енисейских надписей, известные сегодня, относятся к VIII веку. Они представляют уже очень развитое, подчиненное выработанным правилам письмо, т. е. нет сомнения, что енисейская грамота распространилась здесь много раньше. Ныне крайними северными находками древнехакасских надписей являются Тугутюпская стела и строки на скальном обрыве горы Городовая Стена — и то и другое в районе современного поселка Новоселово (на обоих берегах Енисея).

С ростом могущества Древнехакасского государства его официальная письменность становилась все более известной соседним народам. Некоторые из них не только читали по-енисейски, но и начали использовать это письмо в своем обиходе. Очень важно отметить, что такое культурное воздействие началось ранее военных побед, приведших в середине IX века к быстрому росту территории, подвластной древнехакасским правителям, происходившим из династийного рода Кыргыз. Например, уже в конце VIII века надгробные надписи одного из местных тюркоязычных племен Тувы — чиков (в китайских летописях их имя передается как Цигу, в тюркских надписях — Чик) — были в ряде случаев вырезаны енисейским алфавитом.

Осмысляя этот факт, давайте будем помнить еще одно очень важное обстоятельство — к моменту восприятия енисейского письма население Тувы не было бесписьменным. В то время оно входило в пределы мощного и культурно развитого Уйгурского каганата, употреблявшего орхонское руническое письмо. Правда, памятники этого алфавита еще не известны в пределах Тувинской котловины. Но там отмечено другое, может быть, даже более интересное явление: среди обнаруженных надписей встречены свидетель-



Надпись на надгробном камне князя чиков. Обнаружена на реке Уюк в Туве. Ныне хранится в Минусинском музее. *Рисунок автора*

ства существования у тюрков Тувы особого варианта рунического письма, предшествовавшего и появлению здесь орхонского алфавита! Его буквы отражают более раннюю стадию развития этой письменности — доорхонскую и доенисейскую. Пока это единственный район, в котором можно отметить бытование самых древних форм рунических письменных знаков.

Выходит, что к моменту появления в Туве енисейского рунического алфавита жившие там люди уже были знакомы по крайней мере с двумя другими

руническими письменными системами. Енисейское письмо в VIII — начале IX века в силу пока не вполне ясных обстоятельств оказало мощное воздействие на соседние народы, обладавшие своей развитой, нередко официально принятой письменностью. Кроме надписей тувинских чиков очень заметно влияние енисейской азбуки на многих письменных памятниках самих уйгуров. Даже в их столичных центрах, располагавшихся на территории современной Монголии, даже в надписях, посвященных памяти великих уйгурских полководцев и правителей каганата (таких, как стела кагана Моюн-чура и Карабалгасунская стела), явно проявился переход писцов и резчиков к использованию некоторых букв енисейской формы.

Легко понять, что воздействие древнехакасского алфавита весьма и весьма усилилось в ту эпоху, когда конные армии перевалили Саянские хребты, обошли и преодолели Кузнецкий Алатау, пересекли Танну-Ола. Верховный правитель Древнехакасского государства писал тогда уйгурскому кагану: «...твоя судьба кончилась. Я скоро возьму золотую твою орду, поставлю перед нею моего коня, водружу мое знамя». Вполне возможно, что это предупреждение-вызов было начертано енисейскими рунами. Согласно китайским летописям, угроза была действительно реализована и самодержец древних хакасов «под личным предводительством предал огню ханское стойбище и жилище царевны».

Эти события произошли в 840 году. Разгромив древних уйгуров, войска средневековых хакасов, предводительствуемые князьями-кыргызами, захватили земли не только Тувы и Монголии, но и Горного и Степного Алтая, Красноярско-Канского района и Прибайкалья. Границы государства прошли по Иртышу, Оби, Ангаре, Селенге, пустыням Монголии. На всей этой огромной территории управление перешло к кыргызской аристократии. Вот откуда в составе современных народов Южной Сибири появились роды Кыргыз. Они есть у алтайцев и тувинцев, именно они передали свое имя предкам современных киргизов, тогда жившим в Монголии...

Расселившись по обширным владениям в Южной Сибири и Центральной Азии, новая знать, воины и поселенцы принесли с собой и распространили ени-

сейское руническое письмо. Оно было государственной, официальной письменностью Древнехакасской державы и в обязательном порядке вводилось во всеобщее употребление. Енисейские надписи найдены по всей обрисованной только что территории: от Забайкалья до Иртыша. Камни с надгробными текстами, высеченными по древнехакасскому обычаю, встречены у могил, во множестве оставленных новыми обитателями Тувы и Монголии. По их подобию начали ставить памятники с надписями и местные аристократы Центральной Азии и Алтая. Енисейские по алфавиту строки оказались нанесенными на скалы Тувы, Монголии, Алтая. Древнехакасская разновидность рунического письма, судя по процарапанным надписям на металлических предметах, применялась и населением Казахстана. Одно из бронзовых зеркал с такой надписью обнаружено на «дальнем Западе» — в долине реки Илек в Актюбинской области, почти на Южном Урале. Судя по применению характерных букв, древние хакасы расписались на стенах жилых пещер Восточного Туркестана. Под влиянием енисейского алфавита сложилась руническая письменность в Семиречье (так называемое таласское письмо).

Енисейская письменность полностью вытеснила орхонское письмо из официального обращения даже у былых носителей его — самих уйгуров и тюрков Монголии и Алтая. Самобытная орхонская письменность, известная нам с 20-х годов VIII века, просуществовала до 30-х годов X века только в монашеских манихейских общинах Восточного Туркестана. Надписи, сделанные тюрками на бытовых предметах, в это время выведены уже енисейскими буквами.

Не следует забывать, что все тюркоязычное население Южной Сибири и Центральной Азии было в средневековье разнописьменным. Знание других азбук (орхонской, южноенисейской, верхнеенисейской) время от времени проявлялось в рунических енисейских надписях, оставленных местным населением. Писцы и резчики невольно совершали ошибки, ставя известные им буквы других алфавитов в создаваемые енисейским письмом надписи. И все же государственная дисциплина (а она была суровой) и представление о вершинах грамотности требовали от них употребления официального — енисейского письма.

У самих древних хакасов енисейская письменность

активно бытовала вплоть до монгольского нашествия в XIII веке. Разгром самобытного сибирского государства центральноазиатскими ордами привел и к смене официального государственного письма. Оно стало монгольским, а в положении бытового, устаревшего и неавторитетного у чиновников новой администрации оказалась теперь уже енисейская руническая письменность. Однако она не исчезла. Ныне обнаружены две надписи руническим древнехакасским письмом, относящиеся к периоду XIII—XV веков. В них применена особая, книжная орфография. Такое правописание характерно для религиозных сочинений и применялось в монастырских общинах. Вероятно, носители религии предков (а такой религией в Древнехакасском государстве с VIII века было, как и у уйгуров, манихейство) продолжали сохранять в своей среде и древнюю енисейскую письменность даже в условиях монгольского владычества в Южной Сибири. Важно сказать, что одна из этих надписей обнаружена на территории Хакасии (в долине реки Ербы, левого притока Енисея), а другая — в Туве (в бассейне реки Хемчик).

Из летописей известно, что свободолюбивое население Саяно-Алтайского нагорья боролось против иноземцев и в 1273—1293 годах на целых два десятилетия сумело изгнать их с родной земли. По крайней мере на территории Тувы и Хакасии вновь было восстановлено управление местной знати из рода Кыргыз. Видимо, в это-то время и предприняла воссозданная государственная власть попытку вернуть в обиход традиционную енисейскую руническую письменность.

Есть, хотя и довольно глухие, но все же явные указания на то, что знать средневековых хакасов применяла какую-то свою, неведомую соседям письменность и в пору присоединения Хакасии к России. Последний факт использования такого загадочного для окружающих письма засвидетельствован русским сообщением времен Петра Великого — в 1701 году.

Как видим, судьба рунической письменности в Азии была очень непростой, длительной и многообразной. Нет никаких сомнений, что изучение рунических надписей еще преподнесет пытливому уму немало сюрпризов.

Внешне отмеченное вытеснение одной письмен-

ностью других вполне может восприниматься как акт некоего «культурного нападения». Хотя, как уже приходилось говорить, широкое воздействие енисейского алфавита отмечается за пределами ограниченного Саянами и еще не приступившего к захватам других земель Древнехакасского государства во второй половине VIII века (на этом руническом шрифте созданы надписи народа чиков в Туве, тюрков Горного Алтая, он повлиял на облик многих знаков надписей уйгуров — значит, их писцы владели этим алфавитом наравне с орхонским), все же не приходится отрицать, что обширное распространение древнехакасской государственной письменности шло вслед за грозным продвижением по азиатским просторам древнехакасских армий.

Так и встает сама собою перед глазами картина властного приказного акта: мощная, закованная в броню фигура правителя, еще покрытого походной пылью, устремившего длань к испуганно-покорной толпе поверженных противников — «Отныне пишите только по-моему!». Вполне понятно, что такая шутливая фантазия, конечно же, не отражает реальных условий перехода на новое письмо земель и народов, присоединенных к Древнехакасскому государству. Совершенно необходимо, однако, не только отметить факт официального внедрения по всей территории громадной державы енисейского алфавита и отказ от использования других, еще до самого завоевания бывших в употреблении рунических письменностей, но и понять природу этого характерного явления.

Кроме вполне очевидного назначения, присущего любой официальной письменности,— служить укреплению авторитета пользующегося им государства, демонстрации на мировой арене самостоятельности и независимости этой державы — у государственной письменности и передаваемого с ее помощью государственного языка есть другая, несомненно более важная и, конечно же, главная задача. Она служит для объединения всего включенного в рамки страны населения. Без общего языка и общей, всем понятной письменности ни одно государство не может существовать как нечто целое. Ведь любая держава состоит из отдельных краев, население которых говорит по-своему даже тогда, когда принадлежит к одному народу. Еще чаще, практически всегда и всюду, госу-

дарство объединяет людей разных национальностей, бывает многоязыким. Введение единого для всех языка, хотя бы (и прежде всего) в сфере официальных, общегосударственных отношений, неизбежно. Неизбежно и введение одной, общей письменности.

Итак, мы рассказали, когда, кто, где и как пользовался различными руническими письменностями. Ныне настала пора поведать о том, что же содержат сами древние надписи Сибири, о чем они сообщают и для чего были некогда созданы.

«Я ПЕРЕСТАЛ ОЩУЩАТЬ СОЛНЦЕ И ЛУНУ...»

Самую большую группу памятников древней сибирской письменности составляют надписи на знаменитых енисейских надгробных камнях. Это один из таких памятников заметил в долине Уйбата Д. Г. Мессершмидт в 1721 году, это они составляют основу всех изданных атласов рунических надписей, это они привлекают внимание посетителей в музейных залах Минусинска и Кызыла, это по их текстам изучают специалисты главные особенности письма и языка предков, стремятся уяснить ход исторических событий. Сегодня подобных памятников найдено больше восьмидесяти.

Прославляющие деяния древнетюркских полководцев надписи на каменных стелах, как мы помним, были высечены и орхонским алфавитом в государствах самих древних тюрков и уйгуров. Они представляют собою огромные, многострочные тексты. Рассказ о живых событиях одной-единственной жизни, события конкретной биографии начинаются в них от момента создания мира, сотворения земли и неба, предваряются кратким изложением славных деяний предков. А завершаются призывами к потомкам, назиданиями современникам. Орхонские стелы ставились далеко не каждому аристократу, даже не всякому верховному правителю. Их водружали в честь особо отличившихся перед своим государством. Поэтому за полтора века существования державы древних тюрков, а вслед за ними и государства древних уйгуров (682—744 и 745—840 годы) было создано не так уж много подобных письменных памятников. Сегодня нам известно только одиннадцать каменных обелисков, прославляющих деяния крупнейших полководцев и мудрецов этих стран.

В Древнехакасском государстве был иной обычай. Камни с надписями устанавливались там у могил многих князей и воинов. Поэтому за тот же период времени было создано во много раз большее число

памятников с письменами. Ныне нам известно уже более восьмидесяти памятных стел.

Енисейские надгробные надписи отличаются от орхонских и по облику, и по содержанию текстов. Они во много раз короче. Но важнее всего то, что они сочинены и высечены в соответствии с собственными правилами.

Согласно обычаю, тексты на памятных стелах высекались от первого лица. Каждый из тех, кто удостоился вечной славы, сам рассказывал через века о главном, что составляло суть его жизни. Строки надгробной надписи были стихотворными. Вот некоторые из них (по чтению С. Е. Малова).

«Я — сын полководца Байна, именитый Чур. Я вырос без горя — горе было вот: на небе находящимся солнцем, на земле находящимся моим владением я не насладился, со своей принцессой в тереме, со своими собственными сыновьями я разлучился».

Памятник с реки Барлык

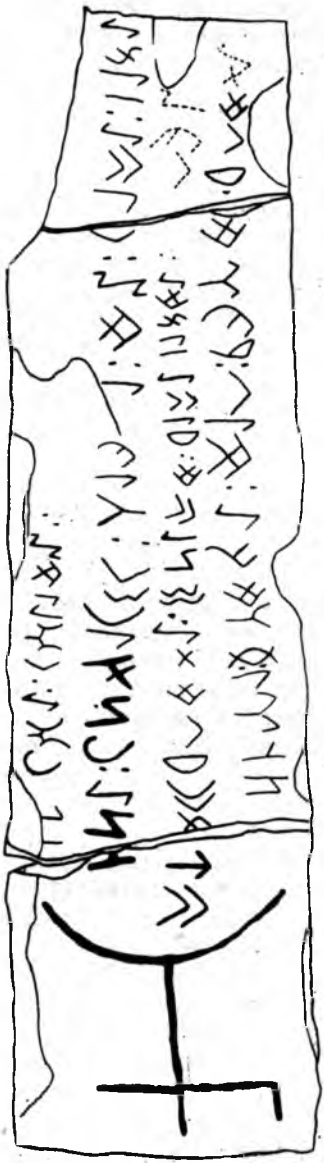
«Я — Тер Апа, внутренний чин [государства]. В 15 лет я был взят на воспитание. От моей принцессы я в горе удалился. Я перестал ощущать солнце и луну. От трех своих сыновей я удалился. Увы, я не насладился [жизнью]. Мужайся!

Имея свой восьминогий (т. е. сытый, быстрый) скот, я хорошо путешествовал на конях. Но и тут я не насладился. Увы, теперь я глух к мычанию своих коров и ржанью лошадей.

От моей земли, увы, от моей воды я удалился. В горе от вас моих, увы, [я удалился]. От моего народа, от моих приятельниц, от моих товарищей я удалился, [ими] я не насладился. Моими подданными и моим ханом я не насладился. Мой возраст — шестьдесят семь. Я стал глух [ко всему]. На чужбине я от своих родственников удалился, там от своих бесчисленных друзей, там от вас — моих добрых товарищей я удалился.

В мои 15 лет я пошел к китайскому императору. Так как я имел геройскую доблесть, злато-серебро, дорогие ткани и жену в [китайском] государстве я приобрел. Семь волков я убил, но барсов и ланей я не убивал».

Памятник с реки Бегире



Древнехакасская надгробная надпись конца IX века. Обнаружена в Туве, в местности Эль-Бажи. Ныне хранится в Минусинском музее. *Рисунок автора*

«От своих товарищей я отделился. Увы! От своей принцессы в тереме я удалился. От восьми своих сыновей я отделился. Увы! Моему хану и моему владению я служил. Мудрому моему правителю я служил, моим товарищам я служил — [вот] моя доблесть!

Ради моего отца, [я] — мудрый Чиксин, служил хану, мой народ. Мою геройскую доблесть я дал на службу моему владению. Небо... от добрых моих товарищей я отдалился.

Я — печальный Чиксин. [Это] — мой вечный памятник».

Памятник с Чаа-Холя

«Я разлучился с моей принцессой и моими товарищами. Вошел, скорбя, в среду врагов. [Я] — сильный тутук Кюль, с вами моими разлучился. С вами моими — мои владения и мой хан — я разлучился. С золотым поясом (или „златом-серебром") я разлучился.

Я был героем в тридцать пять лет.

Правитель государства, знай это! Ваш хан возвышается, товарищи, ваши герои и ваши голоса клянутся. Моих врагов столь много было, что я от вас отделился».

Памятник близ деревни Означенной

Как вы сами, читатель, могли убедиться только что, повествования о подвигах и основных достижениях в жизни излагались не в виде простого перечня дат и событий, а были облечены в форму горестного стенания, жалобы о том, что умерший безвременно покинул беспечальную и счастливую жизнь, своих близких, своего владыку и подданных, своих соратников. Высокое положение в обществе, богатства и слава, семья и дети, солнце на небе и лунный свет — весь этот мир и его обитатели составляли высшее счастье бытия и, судя по надписям на могильных камнях, древние хакасы не думали, что в мире ином их ожидает блаженство.

Давайте вдумаемся в открывшийся нам факт: люди на века высекали горестные строки расставания с этим миром. Ни в одном случае (!), ни на одном камне (!) не выражена надежда на то, что за славные дела в этом мире, за праведную жизнь и служение обществу кто-либо из наших предков жаж-

дал получить воздаяние, счастливую жизнь вечную в потустороннем мире! Нет. Отсутствует хотя бы единственная строчка, позволившая бы заключить, что жизнь земная воспринималась ими как временное и суетное пребывание в греховном и полном искушений мире, пребывание ради того, чтобы подготовить себя к праведной вечной жизни на небесах, чтобы пройти испытание и войти во «врата вечности» очистившимся от «праха земного». Ничего этого нет.

Зато на многих камнях тяжким молотом и зубилом высечено: «Я не знал печали, печаль же была вот: ...» Горести истинные состояли в окончании земной жизни. Выходит, хотя жители древней сибирской державы верили в верхние силы и их верховным божеством было Великое Небо, для присущего им мировоззрения не были характерны воззрения о рае и аде, о загробном суде и каре за содеянное. Если это предположение верно, то следует признать, что камнеписные тексты тысячелетней давности донесли до нас древние языческие представления предков, еще не знакомых ни с одной мировой религией.

Из летописей соседних народов нам известно, что в Древнехакасском государстве, как и в соседнем Уйгурском каганате, в 60-е годы VIII века была принята государственная религия, получившая название по имени своего основателя,— манихейство. Сам Мани жил в III веке на территории теперешней Сирии, и его учение было одним из ранних ответвлений христианства, соединившим в себе многие воззрения Востока. Основой вероучения явились представления о постоянной борьбе сил света и тьмы, добра и зла, о необходимости воздержания и нестяжательства и тому подобные воззрения. Спасаясь от преследований, Мани и его сторонники перемещаются в Иран и Среднюю Азию, а затем достигают Восточного Туркестана и Китая. Здесь манихейство воспринимает многие буддийские черты.

Хотя енисейские надписи на камнях принадлежат к эпохе, когда манихейская доктрина уже была признана на Саяно-Алтайском нагорье в качестве официальной религии, в этих камнеписных текстах нет ничего от названных воззрений. В них есть характерные слова и специальные термины, которые с несомненностью свидетельствуют о знакомстве составителей надписей с манихейством (например, употребля-

ется сирийское слово *мар,* обозначавшее учителя манихейской веры; есть слово *азун,* означавшее земной мир в противовес небесному, и другие подобные специальные термины). Однако содержание надписей в целом чуждо учению и восходит к древним временам, предшествующим его появлению в сибирских землях. Обычай седой старины одерживал верх над новой идеологией. Следовательно, за высеченными на камнях текстами стоит вековечная местная традиция воспевания умерших героев.

Попробуем присмотреться внимательнее к этой древней местной обрядовой особенности. Она многое может поведать нам о главных чертах древней жизни и тех воззрениях, что были присущи исконному населению Южной Сибири.

Прежде всего отметим, что перед нами произведения древней литературы и что составлены они профессионалами — поэтами и писцами — и высечены специалистами-каменотесами.

Для того чтобы убедиться в последнем, достаточно пристально вглядеться в высеченные на камнях буквы. По оставшимся при их выдалбливании бороздкам и ямкам нетрудно увидеть, что мастера, создававшие одну и ту же надпись, почти никогда не использовали какого-нибудь одного орудия (а ведь именно так бы и было, если бы строки высекал любой случайный человек, лишь в силу горестных обстоятельств взявшийся за эту работу). Каждая надпись на каменной плите всегда вырублена с помощью нескольких рабочих инструментов. Обычно это три-четыре зубила с различными по форме рабочими концами. Следовательно, над созданием надписей работали люди, имевшие специальный набор разнообразных стальных инструментов. Иными словами, они были профессиональными каменотесами.

Этому выводу вполне соответствует факт существования специально обработанных для создания надписей каменных плит. Многие из них имеют не только ровные поверхности для письма, но и аккуратно скругленные вершины, сглаженные грани, разлинованные стороны. Таковы, например, камни, обнаруженные близ озера Алтын-кель на реке Сос в Хакасии. Правда, у большинства уцелевших плит вершины отбиты, и мы не можем сказать, насколько распространенным было подобное оформление камней.

Нельзя не отметить и другое. Многие памятные надписи высечены явно без особого внимания к их облику: на неровных камнях и кривыми строками, разными по величине буквами. Но, как бы парадоксально это ни звучало, и они вырублены специалистами-каменотесами. Выходит, внешний вид памятника далеко не всегда может указывать на профессиональный уровень его создателя и вовсе не всегда явная небрежность в создании надписи должна указывать на грубость нравов и неразвитость устоев. Нам еще предстоит понять, почему в том или ином случае внешнему облику надгробия не придавалось должного (с нашей точки зрения) значения. Вопрос этот требует специальных изысканий. Позволю предположить, что за отмеченным явлением стоит неведомая нам сегодня древняя культовая особенность.

Хотя каждый памятник повествует об отдельном человеке и приведенные в нем сведения увязаны с конкретной судьбой и событиями, следует осознавать, что все надписи построены в соответствии с едиными правилами изложения. По форме все они представляют перечень того, чего лишился безвременно ушедший из жизни человек. Несомненно, для создания надгробного текста недостаточно было знать детали окончившейся жизни, следовало еще иметь представления о том, как их следует изложить на самом камне, какими словами передать факты и мысли. Для этого применялись особые, устойчивые фразы и словесные формулы.

Нигде не говорилось о смерти прямо. Кончина описана как уход, отстранение от привычного, от людей и дел, от родного края. Безвременность и трагичность смерти передается сожалением о краткости счастья бытия, которым не успел до конца насладиться умерший. Практически в каждой надписи встречаются одни и те же слова или сочетания слов, которыми выражаются эти мысли: «я удалился» (точнее и буквальнее: «я был удален», «разлучен»), «я не насладился». Всегда присутствуют горестные восклицания: «увы», «о, горе». Обязательно указываются взрослое имя умершего («мое мужское имя»), его доблесть («моя мужская доблесть»), упоминаются его властитель («мой хан») и владения («мой эль»), супруга («моя принцесса в тереме»), сыновья и дочери, сподвижники и соратники.

Древнехакасская надгробная надпись IX—X веков. Обнаружена на реке Оя в Хакасско-Минусинской котловине. Ныне хранится в Минусинском музее. *Рисунок автора*

Таковы явные своеобразные черты надгробных текстов. В далекие века они выдерживались настолько строго и обязательно, что сегодня специалисту бывает достаточно даже небольшого уцелевшего куска камня с надписью, даже сохранившегося фрагмента текста в несколько слов, чтобы точно определить, что перед ним остатки древнехакасского надгробного памятника.

Знакомство с особыми нормами составления та-

ких надписей на камнях, со своеобразием выражения в них мыслей, владение определенной архаичной лексикой и возвышенным стилем изложения, наконец, умение составить текст, отвечающий необходимым ритмическим законам,— все это, впервые показанное трудами И. В. Стеблевой, свидетельствует о существовании в раннесредневековом южносибирском обществе знатоков особого рода — создателей и составителей текстов. Иными словами, литераторов и поэтов.

Строгость, каноничность, отработанность этих текстов, как и содержащиеся в них устаревшие слова и древние взгляды, и сама широта и распространенность обычая их создания, с несомненностью говорят о глубокой, многовековой литературной традиции, своеобразной и самобытной.

В этом нет ничего необычного. Мы как-то забываем, что в каждом древнем обществе был поэт. Это его отличал дар богов — особое умение обходиться со словом. Это он обладал искусством, тайной священной речи — стихосложением. Только поэт мог должным образом прославить богов, слагая в их честь гимны и песнопения. Только поэт мог восславить героев, воспеть мудрых правителей.

Поэт был хозяином слова. Слово же было древней созидающей силой. Лишь то считалось существующим, что было названо, имело имя. Лишь то было вечным, что было воспето в стихах. Не в воле поэта была жизнь соплеменников, но в его власти была вечность. Только благодаря поэту любой герой, любой властитель мог обрести вечную славу. Ради этого каждый вождь старался иметь своего поэта, осыпал его милостями, окружал почетом. И поэт слагал песни в честь деяний сильных мира сего.

Эти особенности древней жизни сегодня яснее других прослежены учеными для индоевропейских народов. Понятие «вечная слава» оказалось связанным с искусством поэта и у греков времен Гомера, и у ариев времен сложения ведических гимнов. Кто из читающих сейчас эти строки не слышал о придворных поэтах Европы, воспевавших рыцарство своих владык, о древнерусском певце Бояне, прославлявшем княжеские подвиги, о придворных стихотворцах иранских шахов или багдадских халифов?

Можно предполагать, что свои поэты были и в

ставках древнетюркских князей и полководцев. Слагавшие горестные строки древнехакасских надгробных памятников поэты могли узнавать о событиях оборвавшейся жизни не из уст скорбящих родственников умершего. Скорее всего, они сами входили в состав его приближенных и лично наблюдали его подвиги и походы, не понаслышке знали о его богатстве, составе семьи, числе дружины и т. п. Поэтические строки рождались не только ради воздавания должного перед вечностью, но и среди пиров и церемоний, проходивших при дворах средневековых владык.

Древние хакасы намеренно высекали надписи на каменных плитах. Они знали, что камень вечен. Создание памятника с высеченным именем героя и строками его прощальных слов прославляло его перед всеми будущими поколениями людей. Прославляло навечно.

Заслужить такое прославление было одной из жизненных целей преуспевающей знати. Но удавалось это не всякому. Рассказ о том, каковы были жизненные ценности в представлении жителей Древнехакасского государства, следует вести особо. Тема эта очень интересна, и понять ее возможно именно благодаря содержанию надгробных надписей далеких веков. Но эти страницы отведены для другого — давайте вернемся к енисейским надписям на камнях.

Достойным памятника с прославляющим умершего текстом мог оказаться совсем юный, по нашим представлениям, человек — один из камней был установлен в честь тринадцатилетнего подростка. Другая надпись посвящена герою, погибшему в 21 год. На отдельных стелах восславлены деяния и зрелых мужчин (дважды 39 лет, а также 42 и 43 лет), и почтенных старцев (60 и 62 лет), однажды даже 90-летнего патриарха. Следовательно, право на эпитафию имел всякий, достигший положения полноправного члена общества (эти люди назывались словом *эр* — «мужчина, герой, воин»). Требовалось лишь совершить важные для всего общества, для государства деяния. Возможностей для этого, по представлениям той эпохи, было значительно больше у могучих владык, у князей и государственных служащих, иными словами, у знати. Собственно говоря, именно в обязанности аристократии и входили госу-

дарственные дела и заботы. Это было не только их правом, но и их долгом. За достойное, славное выполнение своего предназначения и прославляли в веках имя того или иного правителя. И об этом тоже говорят сами надписи, ведь в каждой из них повествуется, что умерший «удалился» от своих владений. Они названы словом *эль*, обозначавшим подвластные земли и их население.

Обычай водружать в честь умершего вертикальную плиту или камень появился на Енисее очень давно: уже в I веке до нашей эры. Он возник здесь вместе с первыми говорившими по-тюркски людьми и характеризует так называемую таштыкскую археологическую культуру. Тогда такая необработанная плита на поминальном пиру изображала умершего; перед нею помещали и часть угощения для мертвого: напитки и яства. Вероятно, древний поэт, участвуя в этом обряде, исполнял от лица поминаемого песню-плач, в которой прославлял его деяния и скорбел о безвременной кончине. Так было на рубеже нашей эры.

Со временем развитие этого обряда привело к высеканию на поминальной плите текста подобного же содержания. Предполагаемая связь с упомянутым древним обычаем объясняет многие особенности енисейских рунических памятников: построение текста от первого лица, словно сам умерший ведет рассказ о своей жизни и смерти; обязательное высекание в начале текста личного гербового знака этого человека — его тамги,— указывающего, кому принадлежит памятник и о ком повествует надпись; необработанность («неаккуратность») плиты, на которой высечена надпись,— подчас ее поверхность настолько неровна, что появляется мысль, что на прочтение надписи каменотес и не рассчитывал; наконец, правило устанавливать памятник не каждому из умерших, а лишь некоторым, по-видимому особенно заслуженным, людям.

Затухание такого обряда в Южной Сибири надо, очевидно, связывать с изменением мировоззрения, то есть с вытеснением древней местной веры одной из мировых религий (судя по письменным источникам, такой религией было манихейство). Новая религия в корне изменила воззрения людей и вместе с этим отношение к умершему. Этот процесс, можно думать,

отразился на содержании памятной надписи, найденной близ Кош-Агача в Горном Алтае: «С женою, [находящейся] в покоях, я разлучился, со сподвижниками, вами моими, [меня] гибельная алчность разлучила, [о,] презренный!». Осуждение умершего могло быть осуществлено с позиций религии, проповедовавшей греховность и суетность земной жизни. Вероятно, эта надпись — одна из наиболее поздних енисейских памятных стел и относится к X или началу XI века. В конце X века обычай установки стел с надписями постепенно начинает выходить из употребления в пределах Древнехакасского государства. В XI веке кое-где продолжают еще встречаться лишь единичные подобные памятники. К этому времени, вероятно не случайно, относится и сложение новой древнехакасской археологической культуры, называемой аскизской и существовавшей в Южной Сибири до прихода сюда русских.

Предположение об исторической связи енисейских эпитафий с обрядовыми особенностями рубежа нашей эры позволяет объяснить не только важные внешние и внутренние особенности этих текстов, но и, пожалуй, отсутствие такого обычая у других древних народов — у собственно тюрок и уйгуров.

Их поминальные памятники выглядели иначе. Образ умершего не символизировали необработанная плита или камень, его отображала каменная портретная скульптура — так называемые «тюркские каменные бабы». В виде такого изваяния умерший, как считалось, также принимал участие в общем пиру с живыми (в руке у скульптуры обязательно изображалась чаша). И, вероятно, от его имени также пел о подвигах и горестях сказитель. Но слова этих песен так и остались на века в устной, незаписанной форме. Этому препятствовала сама каменная скульптура — ее облик отвечал собственным канонам и требованиям, и ее нельзя было так же просто, как необработанный камень, соединить воедино с надписью.

Когда в начале VIII века владыки Восточнотюркского каганата стали по образцу императорского Китая устанавливать памятные камни с текстами, они ставили их отдельно от скульптур умерших. Впрочем, этот обычай сопровождения скульптур надписями так и не стал массовым. Ему препятствовали по-

всеместное изготовление и установка в пределах Тюркского и Уйгурского каганатов памятников в виде изваяний. В землях Центральной Азии стелы с надписями, как говорилось, начали ставить лишь в тех районах, которые были захвачены Древнехакасским государством. И оформлялись они уже по енисейскому канону.

Вероятно, распространение в среде тюрок и уйгуров, других близких им по культуре народов мировых религий привело к исчезновению обычая установки скульптурных памятников, как это произошло и с обрядом создания древнехакасских надгробных надписей. Скульптуры продолжали сооружать лишь на периферии степного мира Евразии. Последними приверженцами этого обряда были, насколько нам известно, половцы европейских степей. Они ставили изваяния в память своих умерших аристократов и их жен вплоть до монголо-татарского нашествия.

ВЕЧНЫЙ КАМЕНЬ НА ВЕЧНОЙ ЗЕМЛЕ

Южная Сибирь известна своим удивительно разнообразным и очень красивым пейзажем: горы, степи, леса, быстрые реки... Алтай и Тува суровы и каменисты, долины Хакасии мягче и плодороднее.

Но есть в ландшафте этих мест одна заметная деталь, являющаяся созданием рук древнего человека. Повсюду на берегах Среднего Енисея возвышаются земляные курганы, обставленные массивными каменными столбами. Они сооружены очень давно: 23—27 веков назад. Издалека заметные, эти курганы уже в средневековье — в VIII—XII столетиях — были характерной древней деталью пейзажа. Жителей Древнехакасского государства отделяло от создателей этих курганов от одной до двух тысяч лет — практически столько же, сколько отделяет нас сегодняшних от средневековых хакасов.

На камнях этих древних курганов тоже обнаружены енисейские рунические надписи. Пока их известно немного. Все они довольно коротки и не превышают одной строки. Те, что удалось прочитать, имеют сходное содержание.

Понять назначение таких надписей помогает текст, некогда высеченный на камне Кара-кургана на реке Уйбат. Он несколько похож на заклинание и гласит следующее: «Стань на восточной стороне пограничным камнем витязя-эра! Следуй [этому] [прочитавший]!». Не менее категорично звучит подобная надпись на другом кургане, стоящем на территории поселка Усть-Сос на реке Абакан: «Знай, [прочитавший]: [это —] вечный камень и вечная земля! Разъясняй [это] [другим] и оберегай [его]!». Еще короче, но не менее строга третья надпись, найденная на реке Уйбат: «Витязь-эр, знай (т. е. повинуйся)!». С такого же требования («Знай!») начинается и четвертая надпись этого рода, вырубленная горизонтальной строкой на одном из камней кургана, входящего в

знаменитую череду монументальных гробниц Салбыкской долины. Эта надпись пока еще не разобрана полностью, но ясно, что и в ней речь идет о «моих владениях».

Что это? Откуда этот грозный тон столь кратких текстов? Совершенно очевидно, поскольку это есть в каждой надписи, что отмеченному строкой енисейской рунической надписи древнему курганному камню придавалось особое значение. От окружающих строжайше требовалось знание (и разъяснение несведущим), а также сохранение этого особого статуса.

Таковы межевые надписи древних хакасов. Они отмечали границы княжеских земельных владений — элей. Вероятнее всего, вехой, указывающей на край земель, служил сам древний курган. Но нанесение на один из камней этого кургана предупреждающей надписи имело особый смысл.

Во всех раннесредневековых судебниках Европы, одновременных рассматриваемым нашим сибирским памятникам, так называемых «варварских правдах» VII—IX веков, при различных имущественных тяжбах доказательством служили показания свидетелей, утверждавших: «Я это слышал своими ушами и видел своими глазами». Древнехакасские межевые надписи, отмечавшие границы наследственных земельных владений, также, как видим, опирались на подобные правовые нормы. Они предупреждали любого: «Знай (а буквальный перевод примененного в них слова *кёр* будет „смотри!“, соответствующее древнерусскому „виждь“): здесь граница моих владений, ты ступаешь на чужую землю!». Никто в дальнейшем уже не мог сказать, что выгнал свой скот на чужое пастбище по неведению, что косил чужой луг, пахал поле или жал хлеба по ошибке, считая угодья своими.

Но древние межевые надписи неверно воспринимать как транспаранты у проезжей дороги типа «Приветствуем Вас на границе такого-то района» или «Земли такого-то хозяйства». Высеченные на камнях тексты были прежде всего направлены против возможных притязаний на земельные владения. Общеизвестно, как часто в средние века возникали споры и разного рода конфликты при определении традиционных и, казалось бы, привычных для людей границ владений и участков. В среде общинников и крестьян это нередко приводило к кровавым столкновени-

ям, а когда речь заходила о претензиях феодалов — к жестоким и порой продолжительным войнам.

Такие войны велись и между древнехакасскими князьями. Об этом красноречиво свидетельствуют построенные в каждой речной долине Хакасии раннесредневековые каменные крепости. Можно вспомнить здесь и вполне обычный для всех героических богатырских сказаний Южной Сибири соответствующий сюжет: действия многих эпических произведений развиваются вокруг рассказа о захватах чужих или защите от врагов своих владений.

Обозначать особыми отметками границы своих земель было в средневековье вполне обычным делом. В Древнехакасском государстве достаточно было высечь на скале или камне древнего кургана свой личный гербовый знак — тамгу. Так поступали деды, так поступали отцы, так поступали сыновья и внуки... Археологи, зная этот обряд, стремятся зарисовать все разновидности тамговых знаков, встречающиеся в той или иной местности. Благодаря этому нередко удается определить, кому принадлежали те или иные земли в далеком IX или X веке.

Так, удалось узнать, что небольшой долиной реки Есь в Хакасии (левого притока реки Абакан) на протяжении по крайней мере семи поколений владела одна и та же феодальная семья. Причем традиционно нижнее течение этой реки принадлежало одной, а среднее — другой ветви этого семейства. Другая семья феодалов распространяла свою власть на всю современную Койбальскую степь и противолежащий левый берег Абакана от реки Уйбат до Енисея, на севере достигая земель близ станции Оросительной. Установлено, что вся территория Тувы после ее захвата Древнехакасским государством в середине IX века была разделена на шесть наделов, которыми владели шесть княжеских фамилий. Последнее обстоятельство прямо указывается в енисейских рунических памятниках. По указанным на эпитафиях именам, сопровождавшихся изображениями личных тамг этих людей, можно иногда узнать имена и титулы владельцев некоторых земельных наделов.

Обычай отмечать владения высеканием тамговых знаков имел широкое распространение. Он позволяет проследить сегодня и некоторые изменения тех или

иных древних границ, увидеть, как в пограничных конфликтах одерживала верх то одна, то другая сторона: тамги незамедлительно «покрывали» новый, спорный участок земель.

Пограничных же надписей, как видим, выбивалось куда меньше. Следовательно, можно полагать, что тексты наносились на камни курганов далеко не во всех случаях (на скалах их до сих пор вообще не встречено). Важно обратить внимание и на другую особенность таких межевых текстов. Иногда они вырезаны тонкими линиями и маленькими знаками, как это сделано в поселке Усть-Сос. Трудно думать, что выполненная подобным образом надпись могла быть рассчитана на широкое обозрение. По-видимому, сам факт нанесения на камень кургана такого текста был своеобразным юридическим актом, закреплявшим права на владение данной территорией. Возможно, это производилось лишь в особо спорных случаях и в присутствии свидетелей. Тогда именно к ним, очевидно, и были обращены слова «Знай!», «Разъясняй!», «Оберегай!». Если наше предположение верно, то появляются некоторые возможности для реконструкции важного элемента правовой практики древних хакасов, касающейся официальной процедуры закрепления земельных границ за тем или иным лицом.

Княжеское землевладение было наследственным. Это ясно не только из особенностей размещения тамговых знаков и изменений в их облике, но и из самой лексики межевых надписей. Устанавливать «вечные камни» на «вечной земле» можно лишь тогда, когда известно, что земля принадлежала твоим предкам и будет принадлежать потомкам.

Особо отметим, что рассматриваемый в этом разделе материал вновь подтверждает, что общество Южной Сибири не было каким-то диким собранием кочевников, а имело вполне обычные для оседлых народов формы землепользования и землевладения.

Об этом же свидетельствует и еще одна надпись на курганном камне, некогда высеченная близ разъезда Оросительный в Хакасии. Здесь в четыре вертикальных строки было написано следующее: «Владения [человека по имени] Татар. Духу-хозяину [местности] дары приносятся и наши посевы оберегаются». Таково редкое свидетельство земледельче-

Енисейская надпись на плите кургана Узун-оба, на реке Уйбат в Хакасии. Повествует о земледельческом жертвоприношении ради защиты посевов. *Рисунок автора*

ского жертвоприношения, некогда совершенного у кургана Узун-оба древними хакасами. Грамматическая форма надписи указывает, что речь в ней идет об обычных, постоянных, периодически повторяемых действиях. По-видимому, обряд умилостивления духа — хозяина пашни производился здесь ежегодно, приурочивался к севу. Из старинных летописей нам известно, что древние хакасы сеяли хлеб в апреле—мае.

Обычно в наших краях не слишком-то жалуют древние курганы. Несмотря на законы, охраняющие древние могилы, не так-то много найдется людей — руководителей и работников различных землеустроительных и строительных организаций, которые станут раздумывать, как провести работы, не разрушая

курган. Еще более пренебрежительным бывает отношение к курганным камням. Я очень надеюсь, что эти немногочисленные странички, посвященные древнейшим надписям на курганных каменных столбах, помогут людям понять чрезвычайно высокую историческую и культурную ценность *каждого* древнего камня, как бы непритязательно он ни выглядел на первый и к тому же, простите, непросвещенный взгляд.

ПИСЬМЕНА НА СКАЛАХ

Камни с рунические надписями, составившие славу енисейскому письму, своим необычным и строгим построением текстов надолго определили восприятие и других лапидарных памятников, оставленных древними хакасами. Хотя уже финская археологическая экспедиция издала в альбоме «Енисейские надписи» не только строки, выбитые на камнях, но и короткие тексты, некогда вырезанные на скалах, эти последние многими специалистами расценивались также как надгробные, памятные письмена. Даже в 1952 году крупнейший знаток рунических памятников С. Е. Малов писал о надписях, высеченных на горных плоскостях, как об «эпитафии на скале».

Сегодня, когда количество наскальных надписей, известных науке, заметно возросло — только в долине Енисея их обнаружено (и опубликовано) не менее пятидесяти,— стало ясно, что они никак не связаны с надмогильными текстами ни по содержанию, ни по форме. Наскальные надписи Южной Сибири представляют совершенно неведомый до этого мир раннесредневековой мысли наших предков. Сегодня можно судить об их назначении по 36 надписям, обработка и осмысление которых в общих чертах закончена.

Почему и о чем писали древние люди, взирая с высоты на благодатные долины или тесные ущелья, что поведали они знакам, вырезанным над быстро бегущими струями могучих рек?

Пытаясь проникнуть в этот своеобразный мир, прежде всего уясним главное: средневековые енисейские надписи нанесены на скалы обычно мелкими или даже очень мелкими буквами, причем зачастую они не выбиты широкими линиями, а прочерчены тонкими или тончайшими, хотя и твердыми, бороздками. Эти надписи нелегко найти. Обычно их обнаруживают исследователи, отыскивающие древние на-

скальные рисунки,— ведь нередко следует вплотную приблизиться к поверхности выхода породы, почти прижаться к ней лицом, чтобы увидеть буквенные строки.

Все это убеждает, что древние рунические тексты наносились на скалы вовсе не в надежде, что они будут замечены и прочтены другими людьми. Значит, и содержание их должно быть особым, глубоко личным, даже интимным.

Будем обо всем этом помнить, разбирая древние надписи, только такой подход приведет к пониманию истинного предназначения рунических письмен, нанесенных на скалы.

Довольно часто на южносибирских скалах встречаются имена и титулы людей: Юл Апа (Хая-Бажи в Туве), Алп Сол (у реки Тэс в Монголии), Чигчи (Тепсей в Хакасии). Люди отмечали свое пребывание у определенных скал. «[Мы —] твой Темир Чур и Йаг Чур, оба [здесь были]»,— читаем на горе Туран (правый берег Енисея). Высеченные имена принадлежат аристократам: «Кадыр Бильге Тутук Б[ег]» (Хая-Бажи). Часто вместо имен или рядом с ними выбиты и личные гербовые знаки родовитой знати: «[Это] тамга знаменосца и трубача Ягыз Чура» (Ховд-Сомон в Монголии).

Понять смысл таких отметок, вероятно, помогает более пространная надпись с Хая-Бажи, содержащая уже приведенное выше имя. «[Вот] благое дело,— выведено на камне,— я, Йигин Сангун, написал: „Арык и земля [Кадыр Билъ]ге Тутук Бега“». Получается, что в каких-то случаях нанесение надписи на скалу воспринималось как благое дело. И совершить такое деяние было не зазорно даже крупному полководцу (именно этот чин обозначался словом *сангун*). В чем же состоит благость? По-видимому, в том, что вассал прославил своего господина, указав в тексте, что близлежащие земли и прорытый арык принадлежат его владыке.

На той же скале Хая-Бажи есть и другая руническая строчка, помогающая понять смысл подобных надписей: «[Я —] Ынанчу Кюлюг Чигши Бег (звучное имя и громкий титул!). Ради моей геройской доблести я спустился [с гор]. Благим из того, что я сделал в шестиудельном Кешдыме (древнее название Тувы), было, пожалуй, [что] я, Удур Чигши, освоил Кара

Сенгир». Вероятно, эта строка была нанесена одним из древнехакасских князей, принимавшим участие в захвате Тувинской котловины в первой половине IX века. Вместе с войсками он перевалил Саянские хребты («спустился с гор») и после раздела вновь обретенных земель на шесть уделов получил в управление ту часть, которая примыкала к горе Хая-Бажи, в древности носившей название Кара Сенгир (буквально «Черный Выступ Горы»). Горделивую надпись же он смог оставить лишь в знак того, что совершил деяния на общее благо — обжил («освоил») эту территорию, до того, видимо, недостаточно окультуренную.

Вспомнив о тексте, прославляющем Кадыр Бильге Тутук Бега, проложившего оросительный канал и, вероятно, распахавшего долину, можно предположить, что именно эти преобразования, превращающие до того дикую степь в благодатную, возделанную местность, и служили основанием к возвеличиванию князей, владевших окрестными землями, на близлежащих скалах. При учете сказанного будет, надеюсь, понятным и скрытый смысл более коротких строк. Например, енисейской надписи с реки Тэс в Монголии: «[Я —] Тюпек Алп Сол написал: благополучным я [здесь] поселился». И совсем лаконичным своеобразным отчетом перед вечностью о благих делах, совершенных ради будущего, будут, смею думать, простые указания имен, вырезанные на скалах без всяких дополнительных комментариев.

Поскольку личные имена, высеченные на скалах, имеют титулы, то возможно и другое объяснение причины их появления на камне. Об этом говорит содержание трех других надписей. Очень интересный текст был некогда вырезан на скале Городовая Стена (правый берег Енисея, против села Новоселово): «[Я —] Алп Сол. Когда уничтожается низкое [греховное] и Божественная Мать и река Кем (Енисей; по-другому: Бог и Мать — река Енисей) соединяются в благоустроенности, мы, приумножая благое, создаем драгоценности и пользуемся званиями. [Так] я стал богат».

Эта надпись ясно указывает, что, по представлению древних хакасов, достигаемый в жизни успех — возможность накопления богатств и получение чинов и званий — находился в зависимости от благочестия

человека, способности его творить общественно значимые благие дела и этим приближаться к гармонии божественного мира. Высокий уровень духовного совершенства, отвечающий совершенству окружающего священного мира, являлся залогом высокого положения, занимаемого человеком в среде соплеменников, в государственной системе. Для нас сейчас не особенно важно, что таким образом оправдывалось в средневековье наследственное право на власть и управление. Важно выявить существование общественного идеала, требовавшего от знати соответствия определенным морально-нравственным нормам.

Можно полагать, что согласно этим представлениям была возможной и иная направленность восприятия: если уж человек оказался наделен властью и богатством, значит, он в достаточной степени совершенен духовно. Каждая ступень продвижения по службе была, следует думать, сопряжена со все большим внутренним возвышением личности. О том, что подобная ситуация воспринималась в Древнехакасском государстве именно так, говорит одна из надписей уже многократно упоминавшейся скалы Хая-Бажи. Здесь в крупном гербовом знаке-тамге в IX веке была вырезана надпись, адресованная владельцу этого аристократического символа: «Пользуйся долей сей, неся заботы опоры правителя» (опора правителя, таянгу — крупный государственный пост Древнехакасской державы). На той же горе частично сохранилась и другая подобная надпись: «Ваше возвышение витязя...».

Надписи такого рода, пожалуй, можно было бы назвать хвалебными. Указывая имя и титул, древние хакасы тем самым демонстрировали благосклонность судьбы к тому или иному человеку, то есть превозносили его личные заслуги.

Но, вполне вероятно, имелась и третья причина, побуждавшая людей наносить на скалы свои имена. Известна довольно многочисленная группа надписей, состоящих из названий тех или иных географических пунктов: «Бегущая река (или река Эсель)», «Кара Сенгир» (буквально «Черный Выступ Горы»), «Кара-Сенгирская переправа» (все — Хая-Бажи), «Скала с изображениями», «Тепсейская переправа» (обе — Тепсей).

Понять назначение подобных коротких текстов

позволяют некоторые более пространные надписи. В ущелье Мугур-Саргол в Туве у самой воды Енисея на скальной глыбе начертано: «У тысячи героев на [реке] Ане славу мы сумели [уничтожить? переять?]. [Это —] река Енисей (Кем). Написал Кулун». Нет сомнения, что в этих строках обозначен маршрут боевого похода из Хакасии в Туву (по тропе, по которой ныне проведена трасса Абаза — Ак-Довурак) в период борьбы Древнехакасского государства с Уйгурским каганатом за обладание долинами Верхнего Енисея. Выйдя с боями к реке Хемчику, отряд древнехакасской армии спустился затем по ее течению к Енисею. О достижении его и повествует надпись, оставленная дружинником по имени Кулун (буквально «Жеребенок» — имя явно не аристократическое).

Выходит, в определенных случаях наскальные надписи могли оставлять путники (неважно, мирными или военными были их путешествия), обозначая тем самым факт достижения ими той или иной местности. Думается, что к надписям такого рода принадлежат и приведенные ранее строки. Остается ответить на вопрос, зачем древние странники делали это.

Вдумаемся в две другие «посетительские» наскальные надписи. На горе Тепсей можно прочесть следующую фразу: «Тепсейская переправа — благодатная переправа». На знаменитой скале Хая-Бажи есть строка, еще более откровенно превозносящая указываемый объект: «Мой владыка и мои подданные [знайте]: Кара-Сенгирская (переправа или, возможно, местность — вспомним тексты об ее освоении) — дело мудреца».

Итак, можно предполагать, что, нанося надпись на скалу, люди чтили местность, в которой они поселились или которой достигли; благодарили судьбу, которая благосклонна и возвышает своего избранника; свидетельствовали о благополучно завершившейся опасной переправе через могучие реки или победно проведенном военном походе. Но отчего все это необходимо было зафиксировать на скальных выходах? Читаем следующие выведенные древними рунами строки.

«С неба [исходящей] благодатью обладающее божество Тепсей»,— начертано на и поныне одноименной горе на правом берегу Среднего Енисея. Эта

строка — ключ к пониманию едва ли не всего многообразия енисейских наскальных надписей. Гора Тепсей, как и многие другие горы Южной Сибири, была священна. Над рисунками всемирно известной Сулекской писаницы, находящейся на реке Черный Июс (верховья Чулыма), дважды начертано древним письмом: «Вечная скала». Вечная — это скала, бывшая от самого начала Мира и будущая всегда — до конца Вселенной. Поклонение божественной горе и ее превознесение выражено в другой надписи на том же хребте: «На очень мглистой скале, на [в высоте] парящей скале я написал. Надпись отвесной скалы вечна (или: [да будет] всегда)». Как видим, и здесь речь идет о вечности.

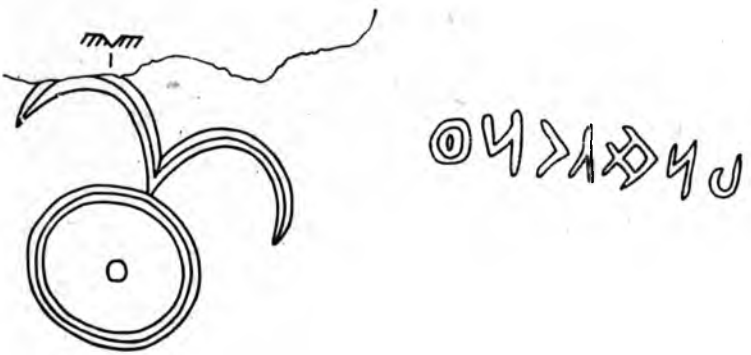
С помощью надписей, нанесенных на священные горы, средневековые хакасы обращались к Богу. Гора, как мы убедились, разбирая строки Тепсея, и сама была таким богом. И в то же время дух горы способствовал общению с Верховным Божеством древних хакасов, которым было Великое Небо или которое находилось на Небе. Вот еще одна надпись, в средневековье нанесенная на скальный выступ горы Тепсей (к сожалению, центральная часть строки скопирована недостаточно ясно, проверить же ее уже невозможно — она залита волнами водохранилища): «Тепсейская переправа. Нужда и голод (?) исчезните. Бог мой, снизойди на землю!». «Боже, снизойди до нас!» — было некогда начертано над рекой Тубою.

Разве не удивительно, читатель, для нас сегодня встретить вдруг на родных горах и скалах столь горячие и искренние мольбы к Высшей Силе, мольбы, звучащие тысячелетие назад? Разве не по-новому открывают они для нас живые души предков — людей ищущих, думающих, страстных, мятущихся? Разве не по-новому ощущаем мы теперь степень их любви к родной земле и поклонения ей?

Прочувствовав это, мы уже не удивимся, встретив на скале над той же Тубою мольбу: «Да живу я сто [лет]!». Как они были похожи на нас в главном! Как мы похожи на них! Что же изменилось за тысячу лет в людях?

Будем откровенны (ведь вы читаете этот текст внутренним голосом, «про себя», и мы в этот момент даже не наедине с вами, а вы сами — наедине с со-

бою), мы готовы признать и принять присущие далеким предкам стремление к богатству и славе, кичливость, алчность, жадность, жестокость и грубость, но разве готовы мы признать и принять их духовные искания, настойчивые попытки внутреннего самосовершенствования, философичность и мудрость в восприятии окружающих людей и мира? Ведь это было десять веков назад в Сибири. Мы ничего не слышали о мудрецах этого края, об академиях, ученых диалогах или страстных проповедях. В каких летописях сказано об этом? Кто это видел? Кто знает? Нет таких летописей. Нет книг с записями высказываний мудрых наставников. Нет пожелтевших философских манускриптов. Но есть надписи на скалах. Краткие. Всего в несколько слов. Читайте и думайте над тем, какими в действительности были тысячелетие назад ваши сибирские предки.



Надпись на скале Крес-хая близ озера Фыркал в Хакасии. IX век. Гласит: «Вложите совершенную душу!». *Рисунок автора*

«Вложите совершенную душу!» — начертано на скале близ озера Фыркалы в Хакасии. Вот о чем в отчаянии молил человек своего Бога: «Вложите совершенную душу!».

Душу живую, благодать просили и поклонявшиеся другим горам люди. Потому и начертано на Тепсее или над Белым Июсом короткое тюркское слово *кут*, обозначавшее эти понятия.

Созданием наскальных надписей завершали предки свои молитвы. Древнехакасская надпись на горе

Гурвалжил-ула в Монголии, свидетельствующая о таком обычае, указывает и на то, что средневековому населению было присуще понятие «раб Божий». «Я, раб Божий, написал»,— начертано на скале. По-видимому, надписи этого типа (а их тоже известно несколько) могли появиться лишь в результате распространения в Древнехакасском государстве мировых религий (скорее всего, как уже отмечалось, манихейства — оно единственное пользовалось в богослужении не только своим, но и руническим письмом). Именно для мировых религий свойственно религиозное самоуничижение верующих, выражающееся понятием «раб Божий».

Новая вера выражалась новыми словами, но прежним оставался обычай поклонения священным горам и моления у скал. Рядом с прежними, языческими, строками соседствуют более поздние манихейские написания, например, на скале Хая-Бажи в Туве: «Я, недостойный раб (имеется в виду „Божий“) написал [и стал] здоров». Эта строка вновь указывает, что надпись вырезалась в знак свершения обрядов и молитв. После некоего ритуала, надо полагать, появилась на горе Лисичьей в Хакасии и другая строка следующего содержания: «Презреннейший [раб Божий] написал [это] — [и] твоя хула очистилась». Какой очистительный обряд и по какой причине совершил автор этой надписи, мы никогда не узнаем, но совершенно очевидно, что он вершил его у почитаемой горы и закончил нанесением краткой надписи. Сопоставив две приведенные строки, мы можем прийти к выводу, что сам факт создания надписи, вероятно сопровождаемый молитвой и священнодействиями, являлся в глазах предков благим деянием, способным привести к исполнению желаний и чаяний.

Обращает на себя внимание интересная особенность религиозных неязыческих надписей — в них отсутствует указание имен авторов. Для древних традиционных сибирских верований, как мы видели, характерно указание личных имен при надписях самого разного содержания и назначения: могильных, хвалебных, посетительских, культовых и т. п. Последователи же мировых религий, вероятно, полагали, что Богу известно, кто обращается к нему с мольбою,— государь знает своих рабов. Поэтому

анонимность наскальных надписей, в которых речь идет о «рабах Божьих», также, по-видимому, указывает на то, что они создавались уже не язычниками.

Своеобразным сохранением древних устоев отличаются, пожалуй, две полных самоуничижения наскальных строки Хая-Бажи, содержащие личные имена. В одной написано: «Пишущий эту [надпись] Ынанг — греховен (буквально: низок)». Другая весьма примечательна тем, что адресована женщине: «Вдова Юл Апы, презренная, возвысься!» Даже если почтенная дама, вдова древнехакасского феодала, имя которого мы уже встречали, рассматривая наскальные надписи Хая-Бажи, и не сама нанесла эту надпись, остается несомненным, что и женская часть общества не была чужда духовным исканиям и стремлению к самосовершенствованию в религиозном отношении. Вероятно, эту краткую надпись возможно расценивать и как свидетельство существовавшей среди женщин (во всяком случае, знатных) грамотности.

Завершая рассмотрение наскальных надписей, выполненных енисейским руническим письмом, следует отметить особо, что среди них совершенно нет текстов светского и обыденного содержания. Все они наполнены только духовным, религиозным смыслом. Хотя между собою эту категорию памятников рунического письма можно подразделить на несколько групп по содержанию и на две большие части по религиозной принадлежности; в целом это довольно единый массив письменных свидетельств, полностью принадлежащий к сфере культовых отправлений.

Нам остается привести, пожалуй, лишь единственный наскальный текст, переданный только четырьмя буквами на плоскости скалы Куня близ города Абакана. Это единственное известное сегодня заклинание злого духа, выведенное на скалах Хакасии: «Потеряй дорогу! Отвратись!» Рядом с этими обрядовыми восклицаниями высечена и тамга — личный знак того человека, который стремился с помощью неведомого нам сегодня обряда избавиться от преследовавшей его, как он считал, нечистой силы. Широко известно, что многие народы считали возможным выслеживание человека по его следам всякой нечистью. Вспомним современный хакасский приговор, обычный для путников: «Чолым ачых ползын, соом

туюх ползын» — «Да будет моя дорога чистой, да будет все за моей спиной наглухо закрытым».

Следует отметить особо: и для периода принятия мировой и развитой религиозной системы (манихейства), и для периода древнего и самобытного язычества оставленные наскальные надписи в равной мере свидетельствуют о характерной тяге к духовному самосовершенствованию оставивших их средневековых наших предков.

Очень любопытно и, конечно же, очень важно то обстоятельство, что большинство известных науке наскальных надписей, обнаруженных в Южной Сибири и в Монголии, выполнены енисейским руническим алфавитом. В Монгольских степях найдено немногое число надписей, сделанных орхонским письмом. Прежде всего это нанесенные красной краской разрозненные строки на скале Хойту-Тамир. Однако же в целом ныне представляется очевидным, что для носителей орхонского алфавита (тюрок и уйгуров) не была характерна сама манера нанесения надписей на скалы. Быть может, это прямо связано с особенностями конкретной религиозной практики, ибо, повторим, подавляющее большинство енисейских наскальных текстов не имеют светского содержания. Следует, естественно, учитывать и тот факт, что именно наскальные надписи являлись сугубо личным делом писавших и не были рассчитаны на прочтение посторонними. При тщательных поисках, далеко еще не завершенных, наскальные надписи подобного рода могут быть найдены и за пределами известного ныне ареала.

Пример подобного развития событий — быстрое увеличение числа надписей, обнаруженных на территории Горного Алтая. Буквально за два последних десятилетия количество наскальных надписей здесь выросло с нескольких экземпляров до тридцати. При этом следует оговориться, что мною учтены только полностью опубликованные памятники.

Горноалтайские надписи обладают хорошо заметной самобытностью. Она прежде всего проявляется в облике применявшихся на письме знаков. Все эти тексты выполнены только енисейским алфавитом. Но форма отдельных букв (*м* и *б*, некоторых других) свидетельствует, что до распространения здесь енисейского письма в обиходе находился орхонский ал-

фавит. Вместе с тем ни одной наскальной надписи этим алфавитом не нанесено. Этот факт и позволяет полагать, что носители орхонского письма не имели традиции писать на горных обнажениях. Обычай пришел вместе со включением Алтая в пределы Древнехакасского государства, одновременно с введением официального письма державы — енисейского рунического.

Содержание наскальных надписей Горного Алтая пока остается неизвестным. Это объясняется недостаточно точными воспроизведениями надписей в трудах публиковавших их ученых. Для разбора кратких текстов особенно важно видеть подлинники.

Те немногочисленные случаи, когда удается разобрать достаточно определенные слова или выражения, пожалуй, указывают, что и горноалтайские наскальные надписи оставлены с обрядовой целью и имеют духовное содержание. Собственно, такое содержание этих надписей можно предугадать уже на основании того факта, что они появляются при заметном древнехакасском культурном влиянии. Можно думать, что большинство из горноалтайских нагорных текстов оставлены молящимися.

В Сибири есть еще одна зона распространения наскальных рунических надписей. Это берега Лены. По некоторым признакам можно предполагать, что и здесь получило распространение енисейское письмо или сказалось сильное его воздействие. Но это только гипотеза. К большому сожалению, специально и с необходимой тщательностью никто не занимался собиранием и копированием ленских рунических надписей. Опубликованные прорисовки главным образом сделаны исследователями, недостаточно полно знавшими особенности этой письменности. Поэтому в таких воспроизведениях надписи не могут быть прочитаны.

НАДПИСИ НА ПРЕДМЕТАХ

Вечен не только камень. Столетия и тысячелетия переживают, сохраняясь, дела рук человеческих. Совсем необязательно, чтобы эти творения были гигантскими и монументальными. На долгие века, оказывается, создаются людьми и вполне обыденные вещи и вещицы, необходимые, казалось бы, только сегодня, только по случаю. Археологи находят целехонькими даже колкие и ломкие в употреблении глиняные горшки, стеклянные кубки, фарфоровые поделки. Что же говорить о каменных или металлических — особенно золотых, серебряных, бронзовых — изделиях? Многие, многие вещи переживают не только своих создателей, но и их далеких потомков. Особенно если они сделаны на совесть.

«Жизнь коротка — искусство долговечно». В точном соответствии с этой латинской пословицей хранятся сегодня в наших музеях удивительные — повседневные и праздничные, бытовые и культовые творения средневековых южносибирских мастеров. Полагаю, тот, кто прочитал предыдущие страницы, не удивится, узнав, что на многих подобных изделиях сохранились древние рунические надписи.

Они очень разнообразны по содержанию. Что может быть написано на различных предметах? Пожалуй, строчки любого содержания, известного Вам, читатель, по свидетельствам, принадлежащим ко всяким иным культурам, эпохам и народам.

Сегодня делают надписи на подарках, преподносимых по торжественному случаю. Есть они и среди енисейских надписей на предметах. На изрядно истершемся донышке небольшого серебряного сосудика — чаши для пиров читаем, например: «Будь[те] имеющим имя, будьте имеющим тамгу». Это — благопожелание. Некогда вырезанное на пиршественной чарке, оно приоткрывает завесу над очень важным для жизни предков, но ни в одной летописи не описанным обычаем. Достигнув определенного возраста, юноша получал взрослое, мужское имя. Об этом вскользь уже упоминалось на предыдущих страни-

цах, в рассказе о содержании надгробных надписей-эпитафий. Теперь же следует добавить, что вместе с новым именем новый полноправный член общества наделялся и собственным тамговым знаком. Учитывая сам факт создания надписи на сосудике, естественно предположить, что, кроме того, ему преподносилась и личная чаша — юноша уже имел право занять достойное место в мужских собраниях, участвовать в общих пирах.

До прочтения этой небольшой надписи можно было лишь догадываться обо всем этом. Ныне же можно уверенно представить и существенные элементы, и саму процедуру признания совершеннолетия средневекового воина. Этот обычай был распространен и среди древних тюрков и уйгуров (их посмертные изваяния всегда воспроизводят в руках умершего его личный сосуд для пиров — все они не совпадают по форме), и среди средневековых хакасов (об этом говорит наша надпись и многочисленные эпитафии, отмечающие мужские имена и тамги умерших).

Назначение другой группы надписей также легко предугадать. В каждой культуре и у каждого имеющего письменность народа известны так называемые владельческие надписи на предметах. Они прямо указывают, кому принадлежали те или иные изделия. Так, на бронзовой накладке на конец поясного ремня, отлитой в IX—X веках (и найденной у села Беллык на Енисее), начертаны три буквы *чур* — имя собственное или титул обладавшего этим поясом человека. На обломке зеркала — одном из трех памятников письма, впервые обнаруженных Д. Г. Мессершмидтом в 1721—1722 годах,— выгравировано (согласно прочтению В. В. Радлова): «Зеркало Кюд Аруг Бега». А на другом зеркале (также по чтению крупнейшего тюрколога): «Человек Анкас Тёшек, кусок моего зеркала». Бронзовые зеркала, часто привозимые из далекого Китая, были очень драгоценными вещами. Как видим, люди не только хранили, но даже метили те обломки этих зеркал, которые продолжали использовать. Следует отметить, что обе надписи на зеркалах указывают на мужчин как на их владельцев. Суровые воины и отважные охотники, они следили за своей внешностью.

Приведем здесь и одну владельческую надпись, обнаруженную В. В. Радловым при раскопках мо-

гильника в Катандинской степи на Алтае. Она была вырезана на донышке серебряной чаши. Только четыре буквы, они читаются как *элиг чанг*, т. е. «правитель в чине чанг». Последнее слово заимствовано из китайского языка и тоже означает «правитель».

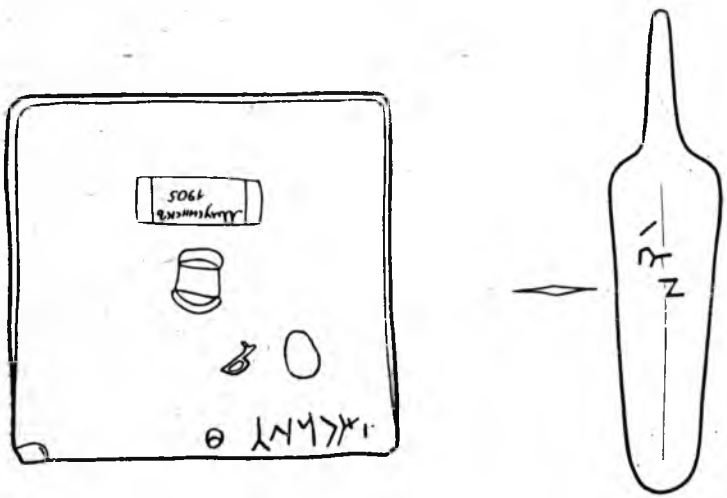
Встречаются на древних предметах и пояснительные надписи. Следует отметить, что сохранились они исключительно на монетах. В Древнехакасском государстве, насколько известно, для нужд внутреннего обращения использовались иноземные бронзовые монеты, завозившиеся во множестве из Китая. Вполне понятно, что достоинство этих монет было обозначено по-китайски иероглифами, отлитыми на лицевой стороне. И хотя цена этих денег была местному населению хорошо известна, все же на некоторых таких монетах на обороте были процарапаны енисейские рунические надписи. В Минусинском музее хранятся две такие монеты. Древнехакасские надписи на обеих содержат по три непонятных ныне знака, но смысл дополнительных надписей ясен: «Чеканная (или литая) деньга» и «Медная деньга... Малый чекан».

Очень своеобразную группу надписей составляют магические заклинания, вырезанные на некоторых изделиях. Существование таких надписей выяснилось при прочтении пяти знаков, некогда нанесенных на край прямоугольного бронзового зеркала. Они гласили: «Сгинь, нечистая сила!».

Казалось бы, почему такие слова следовало написать на зеркале? Чтобы понять это, следует учесть характерные особенности одного шаманского обычая, еще недавно практиковавшегося в Южной Сибири и лучше всего описанного для бурятской культуры. Если в семье часто умирали дети, родители обращались за помощью к шаману. В знак того, что он берет эту семью под защиту, шаман оставлял в доме бронзовое (обязательно!) зеркало. Наиболее вероятно, что так происходило и в средневековье — шаманские обычаи очень устойчивы и сохраняются без изменений многие десятилетия. Магическая сила одного из таких зеркал и была, надо полагать, усилена соответствовавшей случаю надписью.

Нечистая сила названа в этой надписи термином *асурий*. Слово означает злого духа и существует в религии буддизма. Происходит из древнего языка —

санскрита. Очень интересно, что буддийский термин применен в шаманистской по содержанию руни-ческой надписи. Позволительно предположить, что он проник в среду средневековых сибиряков благодаря их знакомству с буддийской религиозной литературой и практикой священнодействия и молений.



Надписи-заклинания на зеркале («Сгинь, нечистая сила!») и культовом кинжальчике («Защити!»). Собрание Минусинского музея. *Рисунки автора*

Другая магическая надпись нанесена на маленький железный кинжальчик. Такое миниатюрное оружие наряду с простыми ножами тоже использовалось еще недавно сибирскими аборигенами для защиты младенцев от напастей судьбы. В люльку мальчика, на самое донце, под подстилки или подсыпку (часто дно покрывали измельченной корой для гигроскопичности) клали такой клинок, предназначавшийся для отпугивания нечистой силы. Вот и написано на культовом кинжальчике IX—X веков *кю,* то есть «защити (оборони)».

Третья надпись, вероятно содержащая заговор, сохранилась на обломке зеркала частично: «Низменное отделяй, болезнь... [изгоняй?]».

Очень примечательно, что в надписях-заклинаниях

прослеживается одна общая для них особенность. Текст начинается с небольшого прямого штришка, по высоте равного половине других букв строки. У него нет звукового значения, он не буква. Вероятно, это специальный значок, отмечавший магические надписи-заговоры. О том, что он применялся ко всем надписям такого рода, говорит подобное же оформление наскального текста-заклинания на горе Куне. О нем уже шла речь в своем месте.

Известна еще одна надпись, начинающаяся с подобного штриха. Она нанесена на обломок бронзового зеркала, хранящегося в краеведческом музее города Абакана. Надпись все еще не разобрана. Но описанная палеографическая деталь позволяет предполагать, что и она принадлежит к группе текстов-заклинаний.

Хотя, повторяю, вырезанных на различных предметах надписей известно довольно много, здесь приведено содержание лишь нескольких. Дело в том, что их прочтение довольно надежно и находит объяснение в известных исторических ситуациях или жизненно важных обрядах. Остальные же краткие, а следовательно, и сложные для понимания начертания еще нуждаются в прояснении. Даже некоторые ясные по восприятию знаков строки не так-то просто понять. Что, например, означает надпись, если на золотом сосуде речь идет о серебре (как это обстоит с изделиями из могил древнехакасского некрополя у села Копёны на Енисее)?

Значение рунических надписей, оставленных на каких-либо изделиях, очень велико. Оно выходит за пределы вопроса «Что могли писать предки на предметах своего быта?». Вещи довольно хорошо изучены нашей археологией, их облик позволяет специалисту установить время создания и так называемую культурную принадлежность каждого предмета, то есть определить век и народ, к которому принадлежали сделавшие и использовавшие эти вещи люди.

Особенно удачно, с точки зрения археологии, если изделие обнаружено в могиле. У каждого народа были и есть свои обычаи, связанные с погребальным культом, к тому же они со временем менялись. Следовательно, возможность точно определить, кто и когда изготовил вашу находку, серьезно возрастает. А если на ней есть надпись, то мы, естественно, мо-

жем определить и время бытования письменности, и то, какой народ ею пользовался.

Важен и другой аспект подобных находок: надписи на бытовых предметах позволяют узнать и то, как широко применялась письменность в древнем обществе, насколько глубока была у того или иного народа грамотность. Именно эта проблема пока еще не затрагивалась мною. К ее рассмотрению теперь и следует перейти.

ГЛУБИНА ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Во многих работах серьезных исследователей встречается утверждение, что недостаточно совершенная древнетюркская руническая письменность, не знавшая слитного скорописного написания знаков, появилась для создания надписей на камне или дереве. Лишь потом постепенно, с веками прошла она путь от камнеписных стел до рукописей на бумаге.

Казалось бы, все верно в этом тезисе: и письмо не скоропись, и буквы выводились по одной без связного написания друг с другом, и среди известных письменных памятников явно преобладают камни с текстами, и немногочисленные настоящие рукописи на бумаге, известные сегодня, принадлежат к довольно позднему времени — X и даже XI векам. И все же приведенное утверждение ошибочно.

Действительно, обнаруженные благодаря исключительно благоприятным микроклиматическим условиям, не сгнившие за века листы с руническими рукописями оставлены в конце эпохи рунического письма. Все они выполнены орхонским алфавитом и составлены в древних монастырских центрах манихейской религии в Восточном Туркестане (китайская провинция Синьцзян).

Но даже в таком «царстве» камнеписных текстов, каким является Южная Сибирь, можно найти указания на то, что способ резьбы или выбивания не был изначально единственным. Одновременно здесь бытовала и вполне обычная манера письма жидкими красителями и на мягком писчем материале: кистью или тростниковым пером на бумаге, коже (пергамене), бересте, плоских дощечках и т. п.

Если Вам доведется бывать в Хакасском музее в Абакане, не спеша рассмотрите небольшой обломок плоской плиты с надписью и округлым тамговым знаком. Она найдена на окраине сегодняшнего Саяногорска (бывшая деревня Означенная). Уцелели только начальные знаки шести строк текста, и о чем

Древнехакасская надгробная надпись, выполненная прямолинейным и курсивным письмом. Найдена у деревни Означенная (ныне город Саяногорск) в Хакасии. Хранится в Хакасском краеведческом музее. *Рисунок автора*

повествовала эта надгробная надпись, мы уже никогда не узнаем. Тем не менее значение этого камня в истории енисейского письма очень велико.

Неизвестно по какой причине, но резчик, наносивший этот текст на камень, три первые строки вырезал прямолинейными и остроугольными буквами — типичными по виду для камнеписных памятников, а вот три другие строки составлены им из знаков вычурных очертаний, с мягкими изгибами линий, загибами их концов. Такие буквы могли появиться при привычке писать чернилами или тушью, то есть легко и свободно скользить пером по бумаге или коже. Это рукопись, перенесенная на камень.

Есть и факты несколько иного рода. На одной из скал на реке Есь в Хакасии сохранилась выве-

денная на каменной плоскости руническая надпись. Казалось бы, довольно обычное для наших мест дело. Однако текст в данном случае нанесен на скалу не резцом, а полой трубочкой, знаки выведены красной тушью. И буквы меленькие — высотою с ноготь человеческого пальца. Вряд ли мы ошибемся, если решим, что некий средневековый грамотей, создавший эту надпись, имел при себе обычный писчий прибор той эпохи: тростниковое перо (по-арабски называемое калямом) и чернила, залитые в специальную чернильницу, откуда они не могли пролиться при переноске. У нас в школе такие чернильницы, носимые из дома в мешочке, называли непроливашками. Горло этих сосудиков было узким и уходило не вверх, как у других сосудов, а вниз, внутрь чернильницы — это и удерживало там жидкость при наклонах чернильницы. Пишу так подробно, ибо полагаю, что многие мои читатели не видели этих приспособлений для переноски чернил.

Сейчас для меня главное рассказать о том, что эти чернильницы появились в глубокой древности, в эпоху, когда весь «офис» и все «кабинетные» приспособления размещались не на столе, а на поясе у писца и сопровождали своего хозяина повсюду. Один из таких сосудиков специального предназначения обнаружен в древнехакасском захоронении в Туве, относящемся как раз к эпохе енисейского письма — к IX—X векам. Необходимо вспомнить здесь и сообщение арабского географа Абу Дулафа, относящееся к этому же времени, о том, что на берегах Енисея пишут калямом.

По-видимому, часть писцов владела и другим приспособлением для письма — кисточкой. Судя по форме линий, именно кистью была нанесена на другую скалу большая надпись в три строки. К сожалению, она очень пострадала от времени и от людей (причем недавно), и содержание текста представляет загадку. Но для нас в данном случае важно, что буквы выведены черной тушью. Тушью же, но другой рукой здесь начертана и краткая надпись *кут* — молитва о благоденствии. Оба письменных памятника нанесены на стену пещеры в верховьях реки Белый Июс.

Итак, немногочисленные, но очень показательные факты свидетельствуют, что для енисейского руниче-

ского письма, как и для орхонского, было характерно достаточно широкое использование вполне обычных материалов: чернил или туши. Древнехакасские рукописи не дошли до нас лишь потому, что обыденный писчий материал был не стоек к воздействию времени.

На примере надписей, высеченных на надгробных плитах, уже доводилось демонстрировать, что их создавали резчики-профессионалы, применявшие целый набор разнообразных зубил. Профессионалами были и писцы. Об этом говорит не только факт существования специальных писчих приборов и постоянное пребывание этих приспособлений со своим владельцем (они сопровождали его даже в мир иной). Есть тому и другие свидетельства.

О существовании в средневековом южносибирском государстве хорошо образованных людей говорят и сами енисейские надписи. В частности, на одной из надгробных стел читаем: «Ради моих способностей был взят на воспитание в государство Табгач». Итак, получив образование в Северном Китае, этот человек потом вернулся на родину, где, прожив долгую жизнь, умер. Пример его судьбы указывает, что далеко не во всех случаях древнехакасскую знать, владевшую енисейской грамотой, устраивал уровень «домашнего» образования и они направляли своих детей за границы владений, в те страны, где существовали, говоря по-нашему, высшие учебные заведения.

В ту эпоху в Северном Китае, в государстве киданей, уже существовали академии. Из летописей центральноазиатских стран известно и о пребывании в их государствах древнехакасских юношей, приезжавших ради получения образования. В киданьской хронике даже идет речь о том, что в один период времени наплыв «стремящихся к знанию из государства Хагас» был столь велик, что императорской власти пришлось усилить пограничную стражу и ввести учет будущих «студентов»-сибиряков, чтобы регулировать их приток в страну.

В Северо-Западном Китае, в местечке Дуньхуан, на границе с Восточным Туркестаном, в начале XI века была свезена в пещеру и замурована в ней монастырская библиотека. Вход в забытое книгохранилище был обнаружен лишь в начале XX века.

Древние рукописи попали в руки ученых. Это был богатейший материал для познания далекой культуры. Его обработка и осмысление идут до сих пор. Но мы сейчас обратим особое внимание на небольшой фрагмент рукописи, счастливо сохранившийся среди многих других обрывков и целых сочинений в той пещере.

Это была небольшая записка-отчет о том, что монах, член религиозной буддийской общины, выполнил данный им однажды обет и теперь просит свое братство и руководство монастыря отпустить его на родину. Имя этого человека было Абхгаден. Он происходил из рода Қыргыз, то есть принадлежал к аристократическому роду Древнехакасского государства. Постигнув особенности буддийской религии в крупном духовном ее центре того времени, он в силу каких-то причин решил вернуться в приенисейские степи. Ради этого он и выполнил монастырский обет — перевел с тибетского языка на китайский двенадцать буддийских сочинений.

Вполне понятно, что весьма важен сам факт существования в IX веке древнего хакаса — буддиста и монаха. Но давайте вдумаемся в то, насколько высокообразованным человеком он был. Ведь он переводил с тибетского — неродного для него языка, на китайский — другой неродной ему язык. Переводил с одной письменной системы (тибетской) на другую — китайскую иероглифическую. И ко всему этому излагал сложнейшие для понимания философские буддийские тексты.

А теперь спросим себя: доведись этому человеку вернуться в родные края, кем бы он был там? Пастухом? Охотником? Воином? Конечно же, нет. Он был и остался бы философом, грамотеем, книжником. Мог заниматься миссионерской религиозной деятельностью, обучать мудрости и грамоте, наставлять в вере, создать монастырь или стать отшельником.

Случайные свидетельства одинокой человеческой судьбы помогают нам, в частности, понять природу появления в енисейских надписях слов, заимствованных из других языков. Так, много китайских слов попали в речь древних енисейцев прежде всего благодаря постоянным государственным контактам и связям, которые (особо подчеркнем это обстоятель-

ство) сопровождались обязательным обменом грамотами, посланиями. В надписях на енисейских камнях и скалах встречаются сирийские слова (*мар* — «учитель в вере») или иранские (например, *абад* — «гармония, благоустроенность, обжитость» или *баг* — «область, удел»). Они пришли в Сибирь с религиозной литературой манихейцев. Отмечаются и буддийские термины (*азун* — «этот мир», *барм* — «совершенство», *ашур, асурий* — «демон, нечистая сила»).

Население Древнехакасского государства не просто обладало собственной грамотой, письменностью и литературой, но и было хорошо знакомо с письменными культурами соседей, религиозной литературой разной направленности и происхождения.

Очень важно понять, что енисейские надписи были созданы не какими-то грамотеями-одиночками. Вполне понятно, что прежде всего грамота и письменная культура являлись достоянием знатной части общества. Имена на камнях, на скалах, на предметах быта нередко сопровождаются громкими титулами, указаниями на важные и высокие государственные чины и должности. Им сопутствуют личные гербовые знаки. Но ведь это отнюдь не исчерпывающая картина.

Среди наскальных надписей, не имевших, как мы видели, официального назначения и содержания, встречены имена, лишенные всяких пышных титулов. Вспомним, например: «Пишущий эту [надпись] Ынанг — греховен». Еще ярче о грамотности средних слоев общества говорит мугурсаргольский текст, повествующий о походе с реки Аны на Енисей. Его подписал человек по имени Кулун. Здесь не только нет титула, но и сама форма и содержание имени, как отмечалось, указывают на простого дружинника. Ведь «кулун» значит «жеребенок» — какое уж тут звучное «мужское имя», столь характерное для феодалов?

Напомним здесь и строку на скале Хая-Бажи, в которой упомянута «вдова Юл Апы». Примем или нет мы гипотезу о том, что этот текст мог быть создан женщиной лично, все равно он остается свидетельством причастности женщин к сфере письменной культуры.

Для полноты картины никак нельзя сбрасывать со счета и то, в сколь многообразных сферах жизни

применялась в Древнехакасском государстве енисейская руническая письменность. К ее помощи прибегали, как мы видели, могучие владыки, чтобы прославить в веках себя и своих достойных слуг, и верных полководцев, сооружая многочисленные надгробные памятники с текстами. Уже сам этот обычай, как и манера обращаться к родне и сподвижникам, характерная для этих надписей, свидетельствует, что потенциальные читатели таких монументальных надписей были довольно многочисленными. Кроме того, создатели этих памятных надписей, рассчитывая на века, не сомневались, надо признать, что и их будущие потомки будут грамотными, сохранят енисейскую письменность и смогут читать высеченные на камнях гордые и горестные строки.

Создание пограничных, межевых надписей указывает на применение письма в сфере юридических норм, а форма текстов явно рассчитана на понимание надписи всяким, кто встретится с нею. Известны нам и культовые надписи, созданные как во время общественных жертвоприношений (Узун-оба II), так и во время личных и, возможно, даже тайных обращений к божеству. Мы знаем строки, составленные на пирах и в уединении, метящие «презренный металл» и благородную сталь. Писали желающие угодить владыке вассалы и покаявшиеся в прегрешениях верующие, князья и воины, монахи и шаманы. Есть изысканно-грамотные тексты и бесхитростные, литературно выверенные и содержащие просторечия.

А за всем этим стоят школы. Без них не бывает письма и грамоты.

Есть еще один показатель значения письма для того или иного общества. Я имею в виду степень осознания того, что данная письменность отличает это общество от другого, то есть степень сбережения письма, его сохранения в веках как отличительную черту «своей страны», несмотря на различные повороты судьбы. Смею полагать, что подобное восприятие енисейского письма было присуще Древнехакасскому государству. При этом я имею в виду не только обычай создавать надписи на века и делать это по собственным законам и правилам.

Настало время рассказать о двух кратких надписях, которые указывают, что даже в трагическую пору монголо-татарского нашествия на Саяно-Алтай-

ском нагорье пытались сохранить руническую письменность как одно из важнейших достижений предков.

В Минусинском музее стоит редкое для Хакасии каменное изваяние, найденное в окрестностях села Знаменка. На его спине в IX—X веках оставили посетительские надписи четыре человека, совершившие какой-то обряд. Но выше их строк много десятилетий спустя была сделана небольшая руническая приписка — *бичиг*. Это слово, означающее «надпись», имело поясняющее значение. А ее форма, привычная нам по современным южносибирским тюркским языкам, указывает, что слово заимствовано местным населением из монгольского языка (древнетюркская форма *битиг* в монгольском стала *бичиг* и уже в этом виде вернулась к тюркам Саяно-Алтая). Такое заимствование могло произойти только в условиях вхождения Хакасии в державу монголов. Сибирские писцы писали в это время по-монгольски и усвоили монгольскую деловую лексику, присущую канцеляриям той поры. Вместе с тем они сохранили свое руническое письмо, применяя его параллельно с официальной для нового государства монгольской вертикальной письменностью.

Приписка на изваянии отличается и по нормам правописания. Здесь применена не традиционная для ранних енисейских надписей классическая руническая орфография, а правила, отличавшие книжную манихейскую грамотность. Такое же правописание — обозначение на письме всех гласных (кроме *а*) — встречаем в одной из строк скалы Хая-Бажи в Туве. Важно, что в ней применена поздняя форма глагола «писать» (не *бити-*, а *бит-*), появившаяся только в монгольское время.

Эти две небольшие надписи, созданные руническим письмом не ранее конца XIII — первой половины XIV века, позволяют предположить, что письменность отцов и дедов, вышедшая из сферы государственной жизни (ведь государство погибло), продолжала сохраняться. Вероятно, ее хранителями были религиозные манихейские общины. При попытке освободиться от чужеземной зависимости, которая, как отмечалось, была предпринята населением Хакасии и Тувы в 1273 году и привела к воссозданию на целых 20 лет собственной государственности, веро-

ятно, была возвращена в официальное обращение и руническая письменность. Она стала использоваться в реформированном манихейцами виде.

* * *

У этой книги не будет эпилога. Автор отказывается от него. Моей задачей было познакомить читателей с ярким и многообразным явлением — письменными памятниками и письменной культурой далеких саяно-алтайских предков. И я надеюсь, что чтение этих строк послужит только началом. Началом вашего интереса, а может быть, даже увлеченности древнейшими надписями родных гор и степей.

На немногих страницах нельзя было и думать рассказать обо всем, что связано с письменностью, применявшейся на обширных пространствах Сибири и Центральной Азии в течение не менее пяти-шести веков. Но если мне удалось изменить ваше представление о том, каково было средневековое южносибирское общество, если удалось приподнять завесу над многообразным и чудесным миром его глубокой и самобытной культуры, я буду считать свою задачу выполненной. Но надо ли кривить душою? Еще более важным результатом я буду считать ситуацию, при которой у вас возникнут новые вопросы, а прочитанные страницы породят желание еще больше узнать о древней письменности.

Если это произойдет, значит, мы вновь встретимся с вами и обсудим новые факты и гипотезы, новые находки и открытия. Собственно, ради этого я и отказываюсь от эпилога. До встречи? До встречи!

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Публикации древних текстов

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952.
Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959.
Стеблева И. В. Поэзия тюрков VI—VIII в. М., 1965.
Стеблева И. В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. М., 1976.

Исторические исследования

Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969.
Кызласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984.

СОДЕРЖАНИЕ

Забытый мир... вокруг нас 3
Открытие неведомой письменности 7
Разгадка тайны сибирских письмен 23
Руническая грамота 32
Происхождение и распространение рунического письма . 39
«Я перестал ощущать солнце и луну...» 54
Вечный камень на вечной земле 67
Письмена на скалах 73
Надписи на предметах 84
Глубина письменной культуры 90
Рекомендуемая литература 99

Научно-популярное издание

Кызласов Игорь Леонидович

ДРЕВНЯЯ ПИСЬМЕННОСТЬ САЯНО-АЛТАЙСКИХ ТЮРКОВ

Рассказы археолога

Заведующая редакцией *З. М. Евсенина*
Редактор *Я. Б. Гейшерик*
Младший редактор *Л. В. Исаева*
Художник *И. А. Клейменова*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *О. В. Власова*
Корректор *Е. В. Карюкина*

ИБ № 17403

Сдано в набор 01.03.94. Подписано к печати 07.06.94. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 5,46. Усл. кр.-отт. 5,71. Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 5000 экз. Зак. 88. Изд. № 7596. «С»—1

Издательская фирма «Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография РАН
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ФИРМОЙ
«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
РАН

ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ КНИГА

Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей.— 20 л.

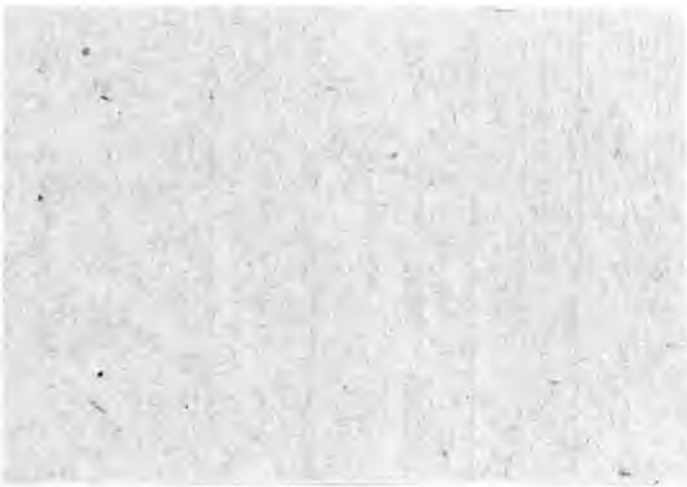
Автор исследует самобытные письменные культуры в раннесредневековых государствах тюркоязычных народов. На основании палеографического анализа всего массива известных рунических надписей выявлена множественность применявшихся в них алфавитов, объединяемых в две группы: евразийскую (донской, кубанский, ачикташский, исфаринский и южноенисейский алфавиты) и азиатскую (орхонский, енисейский и таласский алфавиты). Автор показывает, что каждый алфавит являлся культурно-политическим, государственным признаком.

По вопросам приобретения книги обращаться по адресу: 103051, Москва, Цветной бульвар, д. 21, стр. 2. Тел. 925-47-25.

ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ФИРМОЙ
«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
РАН

готовится к изданию книга

Сказки и предания алтайских тувинцев. 35 л.

Повествовательный фольклор тувинского населения области Алтай на северо-западе Монголии, собранный и записанный исследовательницей Эрикой Таубе, лег в основу данного сборника. Часть сказок и преданий издана ею в серии «Сказки мира» на немецком языке. Другие представлены Э. Таубе в виде рукописи. Переводы сказок и преданий на русский язык сопровождаются примечаниями и вступительной статьей, имеются отсылки на типологический указатель сюжетов.

По вопросам приобретения книги обращаться по адресу: 103051, Москва, Цветной бульвар, д. 21, стр. 2. Тел. 925-47-25.